

Часть первая.

Начало жизни

- I. Двадцать первых лет
- II. Сибирский реформист
- III. Последний землепроходец

I . Двадцать первых лет

Рюриковичи на Пречистенке

Район в центральной части Москвы, между улицами Арбат и Пречистенка, носивший общее название Старой Конюшенной и неофициальное - Сен-Жерменское предместье Москвы (по аналогии с Парижем), считался издавна аристократическим. Здесь находились особняки, принадлежавшие потомкам некогда знатных семейств. Большинство из них утратили свое величие, но княжеские и графские титулы сохранили. В одном из этих особняков родился 27 ноября (9 декабря по новому стилю) 1842 года Петр Алексеевич Кропоткин. Об этом сообщает установленная на доме 26 по Кропоткинскому переулку, соединившему Пречистенку с Садовым кольцом, памятная доска с барельефом работы скульптора С. А. Меркурова. Напротив - печально известный Государственный научный центр судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Через него прошли многие диссиденты советских времен, а в самом доме, где до 1940 года существовал музей П. А. Кропоткина, расположилось теперь Посольство Палестины. Дом в переулке (до 1921 года назывался Штатным) хорошо сохранился. Внешне он совсем не изменился с тех пор, как его хозяином 140 лет назад был князь Алексей Петрович Кропоткин, отставной генерал-майор, владевший тремя имениями в Калужской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Ему принадлежали тысяча двести крепостных. Этот вполне заурядный помещик необыкновенно гордился своей родословной, из которой выходило, что он потомок легендарного Рюрика, основателя первой царской династии на Руси.

Знаменитый князь Игорь, убитый покоренными им древлянами в 945 году, был сыном Рюрика, предводителя викингов из Упсалы, приглашенного на Русь, в Новгород, «править и владеть». Потомки его сына киевского князя Святослава Игоревича - князь Владимир, в 988 году крестивший Русь, его сын Ярослав Мудрый и внук Владимир Мономах. Мстислав Удалой - последний в роду киевский князь. С девятого поколения рюриковичей, с князя Ростислава, началась «ветвь» князей смоленских. Один из них - Дмитрий Васильевич, умерший в 1470 году, прозван был за свой трудолюбивый характер Кропоткой. При нем упразднено Смоленское княжество, и дети его получили фамилию Кропоткиных. В начале XVII века, в смутное время, был в их роду бунтарь, ходивший с войском Лжедмитрия против московского боярства, за что попал в немилость у царей Романовых. Большинство же Кропоткиных служили воеводами-стольниками в разных российских городах - от Нарвы до Сургута.

Петр Алексеевич Кропоткин был рюрикович «в тридцатом колене». Его дед Петр Николаевич, участник войны 1812 года, вышел в отставку поручиком и обвенчался с княжной Прасковьей Гагариной, брат которой, Иван Гагарин, большой любитель театра, женился вторым браком на великой русской актрисе, бывшей крепостной, Екатерине Семеновой. Брат отца, Дмитрий Петрович - литератор, переводчик, поэт - сотрудничал в популярных журналах «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества».

Петр Николаевич поселился в рязанском имении Урусове и купил села с крепостными в других губерниях. Три из них по наследству достались Алексею Петровичу. Ближайшее к Москве - имение Никольское в Мещевском уезде Калужской губернии служило своего рода летней резиденцией княжеского семейства.

Алексей Петрович Кропоткин как штабной офицер участвовал в русско-турецкой войне; и хотя получил орден Анны и золотую шпагу, особыми заслугами не отличился. Потом принимал участие в подавлении Польского восстания 1831 года. Там, в Варшаве, он познакомился с дочерью командира корпуса генерала Николая Семеновича Сулимы. Екатерина Николаевна Сулима стала его женой. Это была высокая, стройная девушка, с темно-кариыми глазами и густыми каштановыми волосами. Очень живая, артистичная. Свадьба состоялась в королевском дворце Лазенки, а посаженным отцом невесты был командующий армией, усмирившей восстание, грозный генерал Иван Паскевич.

Род, с которым породнился Алексей Кропоткин, по-своему был знатным и древним. Наиболее известного его представителя - украинского гетмана Ивана Сулиму, боровшегося за независимость Украины от Польши, четвертовали в 1635 году в Варшаве. Его потомок, отец Екатерины Сулимы, - генерал, герой Бородинского сражения, не пожелал служить у всемогущего временщика Аракчеева и добровольно отправился в «почетную ссылку» в Сибирь, став генерал-губернатором в Западной, а потом в Восточной Сибири.

«В то время такой пост считался более прибыльным, чем золотой прииск; но мой дед возвратился из Сибири таким же небогатым человеком, каким отправился туда. Он оставил своим трем сыновьям и трем дочерям лишь маленькое наследство. Когда я в 1862 году поехал в Сибирь, то часто слышал его имя, произносившееся с большим уважением. Чудовищное воровство, царившее тогда в Сибири, с которым мой дед был не в силах бороться, приводило его в отчаяние»¹.

1 Кропоткин П. А. Записки революционера.- М. Л.: Academia, 1933. - С. 13 (далее по тексту: Записки).

Там, в Сибири у Екатерины Николаевны и Алексея Петровича Кропоткиных родилось четверо детей. Для двоих сыновей Сибирь станет важнейшим фактом их биографии. Но не довелось Екатерине Николаевне вырастить своих детей. Она заболела чахоткой и на тридцать пятом году жизни умерла, когда старшему сыну Николаю шел двенадцатый год, дочери Елене - одиннадцатый, сыну Александру было пять лет, а Петру - всего три с половиной...

Он ощутил духовное влияние матери, когда ее уже не было, и потом смог откровенно сказать: «Все мое детство пережито воспоминаниями о ней» ².

2 Там же, С. 14.

Находка в кладовой бумаг матери - произвела на мальчика сильнейшее впечатление. Это были дневники, которые она вела в Германии, где лечилась на водах, тетради с запрещенными цензурой русскими стихами, в том числе повешенного Николаем I декабриста Кондратия Рылеева, нотами, французскими драмами, поэмами Байрона, собственными стихами и акварелями... Екатерина Николаевна была разносторонне

одаренной женщиной, восприимчивой к прекрасному. Вот как писал о ней спустя много лет ее младший сын - в «Записках революционера»: «Моя мать, без сомнения, для своего времени была замечательная женщина... Все знавшие ее любили ее. Слуги боготворили ее память... Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети... Ее не было, но память о ней носилась в нашем доме, и когда я теперь оглядываюсь на свое детство, вижу, что обязан ей теми лучшими искорками, которые запали в мое ребяческое сердце» 3.

3 Там же.

Всю свою долгую жизнь Кропоткин возил с собой портрет матери, и он всегда висел над его рабочим столом.

Отец был совсем иной... И отношения детей с ним, в особенности сыновей, были непростыми. Через два года после смерти первой жены отец женился снова - на дочери адмирала Черноморского флота М. Карандино. Обстановка в семье сильно изменилась. Мачеха не считала нужным заниматься «не своими» детьми, особенно когда родилась ее дочь Полина. Из дома исчезло все, что могло напомнить ее предшественницу. Рассчитали и заменившую детям мать - добрую старушку-немку мадам Бурман. Такое поведение взрослых еще более возвышало в глазах детей светлый образ их покойной матери.

В это время старший брат Николай уже учился в Московском кадетском корпусе, сестра Лена - в Екатерининском институте в Петербурге. Домой они приезжали редко. Дома оставались пока только Саша и Петя, целиком предоставленные гувернерам. Тогда и возникла необычайная дружба двух братьев Кропоткиных, разница в возрасте которых была немного больше года. Старшим был Александр.

«С ним мы выросли, с ним мы сроднились. С ним и после мы были вместе до тех пор, пока судьба не разбросала нас по тюрьмам и ссылкам. Чтобы учить нас, приставили дорогого француза-гувернера мосье Пулэна и наняли задешево русского студента Н. П. Смирнова. Во многих домах в Москве были тогда французы-гувернеры, обломки наполеоновской великой армии. Пулэн тоже принадлежал к ней и только что закончил воспитание младшего сына романиста Загоскина... Отец мой, не колеблясь, пригласил Пулэна за высокую по тому времени плату - 600 рублей в год...» 1

1 Записки, С. 16.

Монаршая милость

Судьба братьев сложилась по-разному, хотя отец готовил их, как и старшего сына Николая, исключительно к военному поприщу. Избежать этой же участи Петру помог счастливый случай. Почти как в сказке, ему выпала вдруг царская милость.

То были годы правления императора Николая I, начавшегося с жестокого подавления бунта офицеров-декабристов. Пятеро были повешены, а остальные заговорщики отправлены на

каторгу, в Сибирь. Такое начало определило характер всей эпохи. Никогда, ни до, ни после этого времени, государственность в России не чувствовала себя столь могучей, уверенной, незыблемой. Это было время господства иерархии власти, чиновников и жандармов, палочной дисциплины, жестокой цензуры, подавления всякого свободомыслия, и в результате глубокого разложения общества - апофеоз - поражение в Крымской войне. Николаевская эпоха...

В 1847 году, отбыв ссылку, покинул родину Александр Герцен. В конце 1849 года произошла расправа с участниками кружка М. В. Буташевич-Петрашевского*, обсуждавшего утопические идеи Фурье. Готовившийся расстрел кружковцев был в последнюю минуту заменен каторгой. Среди подвергнутых наказанию - молодой писатель Федор Достоевский.

См. указатель имен в конце книги.

Детские годы Петра Кропоткина пришлись как раз на это время.

В конце 1850 года, в ознаменование 25-летия царствования Николая I в Благородном собрании Москвы на Малой Дмитровке (ныне Дом Союзов на Пушкинской улице) давали грандиозный бал. Верноподданное дворянство «второй столицы» устроило для царской семьи представление в костюмах всех народностей, входящих в состав Российской империи. Генеральше Назимовой, которая когда-то была дружна с Екатериной Николаевной, надлежало явиться на бал в одеянии персидской царицы в сопровождении восьмилетнего сына, одетого в такой же богатый наряд. Но перед самым балом он заболел, и генеральша обратилась к юным Кропоткиным. Для Александра костюм оказался мал, а семилетнему Пете пришлось впору. Так он попал на царский бал, определивший его судьбу.

Дети представляли шестьдесят губерний России, и у каждого ребенка был в руке жезл с гербом одной из них. Петя, одетый в восточного вида костюм, с поясом, украшенным драгоценными камнями, держал герб Астраханской губернии. Нужно было склонить губернские гербы перед самодержцем. Но тут дядюшка Пети, литератор Дмитрий Гагарин, одетый тунгусом, поднял мальчика на руки и поставил на платформу перед царем, которому захотелось поближе рассмотреть забавного в своем наряде «астраханца».

Его усадила рядом с собой императрица Александра Федоровна, женщина добрая, страдавшая от грубости супруга-солдафона. Петя, устав от грандиозного зрелища, заснул, положив голову ей на колени. Пока он спал, царь распорядился: пусть князь Кропоткин учится в пажеском корпусе.

Попасть в привилегированный Его Величества корпус считалось большим счастьем. По окончании его открывались блестящие возможности: карьера при дворе, в гвардии или на дипломатическом поприще. Надо только подрасти, а будущее Петру уже обеспечено неожиданно снизошедшей на него монаршей милостью.

Мог ли император тогда предполагать, что милый мальчик в меховой шапке и восточном костюме, юный князь Рюрикович станет врагом самодержавия, да еще - страшно подумать - анархистом, отрицателем власти. Не ведал этого, конечно, и сам «баловень судьбы».

Среди книг

Первые знания по школьной программе, как принято в дворянских семьях, были получены дома. Гувернер-француз Пулэн, познакомил детей с основами французской истории, географии и грамматики, а успехи в разговорной речи были столь значительными, что братья вскоре стали даже «думать по-французски». Студент юридического факультета Московского университета Николай Смирнов занимался с детьми русской грамматикой, литературой, а заодно и арифметикой. Ему обязаны братья обретением еще в детстве литературного вкуса. Они хорошо знали и любили произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова и под их влиянием занялись собственным литературным творчеством. Целыми днями мальчики просиживали за сочинением стихов и рассказов. Составляли из них ежедневную домашнюю газету «Дневные ведомости», а затем - ежемесячник «Временник». Главным автором этих изданий был Петр, хотя он больше тяготел к научной тематике, в то время как у Александра рано проявилось поэтическое дарование.

Конечно, домашняя издательская деятельность развивалась под впечатлением от журналов, которые выписывал отец. Каждый месяц приходил «Сын отечества», не отличавшийся большим разнообразием материалов: в нем публиковалась «придворная хроника» и высочайшие рескрипты: поздравления, «пожалования» орденами, производство в звание, увольнения от должности. Но Алексею Петровичу хотелось, чтобы дети, особенно Петр, которому предстояло стать пажем, тоже увлеклись этой атрибутикой. Их же больше интересовали такие разделы в журнале, как «известия с Кавказа», где шла война с горцами, «новости ученого мира», литературные произведения. В «Сыне отечества» часто печатались «патриотические драмы» Нестора Кукольника, исторические романы Загоскина, переводы, например, романа популярного Эжена Сю «Мисс Мери». Все, что читали братья, отражалось в их домашнем журнальном творчестве.

Впервые из «Сына отечества» узнал Петр Кропоткин о долгом, но очень интересном пути из Москвы в Иркутск, о реке Обь, «едва ли имеющей соперниц на земном шаре», о «прекрасной науке» геологии. А в журнале «Московитянин» он прочитал о великом немецком географе Александре Гумбольдте*, к которому ездил в Берлин молодой русский путешественник Петр Семенов* перед тем, как отправиться в азиатский поход, в неведомые «Небесные горы» - Тянь-Шань. С этим человеком доведется Кропоткину сотрудничать в будущем.

Рано возник у Петра интерес к путешествиям, географии и геологии. Не случайно он переписал во «Временник» вступительную лекцию московского профессора по физической географии. По-видимому, она принадлежала известному метеорологу А. Ф. Спасскому, первым описавшему климат Москвы. Но главную роль в развитии интереса к природе сыграли ежегодные выезды на лето в имение Никольское Калужской губернии. Здесь, близ уездного старинного города Мещевска, на берегах тихой реки Серены, провели братья немало счастливых дней.

Да и сам переезд был увлекательным путешествием. Как только начинал бурно таять снег, и вниз по Сивцеву Вражку и другим переулкам устремлялись шумные потоки воды, начинались сборы, очень нелегкие: ведь надо отправить большую семью, человек

двенадцать, да еще полсотни дворовых с детьми, все необходимые кухонные и домашние вещи. А до имения - 250 верст...

Сначала выходил в путь обоз дворовых: вверх по Пречистенке, по направлению к деревянному тогда Крымскому мосту и Калужским воротам. Княжеская семья трогалась дня через три-четыре в шестиместной карете и тарантасе. За пять дней добирались до Никольского, проезжая Подольск, Малый Ярославец, Тарутин, Калугу. По дороге догоняли обоз, который двигался совсем уж медленно: дворовые шли рядом с нагруженными доверху телегами все две с половиной сотни верст пешком. Когда ночевали в Малом Ярославце, Пулэн всегда водил детей на историческое Бородинское поле, подробно рассказывал о знаменитом сражении в сентябре 1812 года.

Особенно любил Петя отрезок пути в семь верст за Калугой до перевоза через речку Угру. Дорога пролегла через громадный сосновый бор на песках, в которых утопали лошади и экипажи, поэтому все шли пешком. Петя обычно уходил один далеко вперед. Он очень любил вековой сосновый бор: «В этом лесу зародилась моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни»¹, - вспоминал он.

1 Там же, С. 32.

А с искусством его впервые познакомили, как ни странно, дворовые барского дома. Отец, как и многие помещики в те времена, завел крепостной оркестр. Первой скрипкой его был полотер Тихон. Когда по воскресеньям взрослые отправлялись в церковь или в гости, а домашние наставники получали отпуск, в парадной зале под скрипку крепостного «виртуоза» затевались танцы и игры всей многочисленной княжеской челяди. Это делалось тайно, и дети никогда не выдавали слуг, даже если в результате этих невинных проказ что-нибудь из обстановки залы оказывалось разбитым или поврежденным.

Незабываемое впечатление производили на маленького Петю балаганы, устраивавшиеся на улицах и площадях города в дни масленицы. Затем возник интерес к театру. Прославленную балерину Фанни Эльслер, приехавшую на гастроли в Москву, смотрели в Большом театре всей семьей. Балет «Гитана, испанская цыганка» попробовали даже воспроизвести на домашней сцене. Так же копировались дома «Федра» Расина и другие спектакли Малого театра. Мальчиком видел Кропоткин великих актеров Малого Михаила Щепкина, Прова Садовского, Михаила Шумского - в «Ревизоре» и «Свадьбе Кречинского». Петя был еще очень мал, но посещения театра сыграли свою роль в формировании его личности, да так, что потом, в Сибири, он всерьез подумывал о выборе актерской профессии.

Но время шло. Александр поступил в Московский кадетский корпус, видеться братья стали только по праздникам, хотя корпус был в семи верстах от дома. С Петром занимался теперь учитель немец Карл Иванович, восторженно относившийся к Шиллеру. Воспоминания о матери, добрейшая мадам Бурман, словоохотливый Пулэн, прогрессивно мыслящий студент Смирнов, дворовые музыканты, театры Москвы, журналы, выписывавшиеся на дом - вот атмосфера, в которой рос мальчик. Самую незаметную роль в его детской жизни играли отец и мачеха, а самую значительную - общение с братом Сашей. Их тяга друг к другу усилилась от того, что встречи стали редкими.

Одиннадцати лет Петю определили в Первую Московскую гимназию. Образованная из Главного народного училища, созданного в Москве Екатериной II, гимназия в 1854 году отметила свое пятидесятилетие. К юбилею был расширен круг дисциплин: дополнительно введено преподавание ботаники, зоологии, минералогии, анатомии. Гимназия занимала солидный трехэтажный дом у Пречистенских ворот, принадлежавший князю Г. С. Волконскому, напротив тогда еще только строившегося Храма Христа Спасителя. Но у гимназии была и своя церковь, с молитвы в которой начинался каждый учебный день.

Преподавание основных предметов было в значительной степени формальным и иногда шло, как вспоминал Петр, «самым бессмысленным образом». Например, он очень любил географию, хорошо ее знал. Но когда однажды учитель географии дал задание скопировать лист атласа, на котором была изображена Англия, и Петр принес тщательно выписанную, изящно раскрашенную карту - настоящее «художественное произведение», то получил двойку. За излишнее усердие...

Первая Московская гимназия была все же солидным учебным заведением. Здесь еще до Кропоткина учились историки М. П. Погодин и С. М. Соловьев, драматург А. Н. Островский. И преподавали в ней талантливые учителя. Законоведение вел юрист по образованию, замечательный поэт, один из удивительных русских людей Аполлон Григорьев, в те годы ведущий критик популярных журналов «Московитянин» и «Отечественные записки».

В «Московитянине» Петр прочитал восторженный отзыв Григорьева о первых комедиях Островского, в которых он прежде всего увидел народность в высоком значении этого слова. Рассуждая об этом понятии, Григорьев подчеркивал, что под народом понимает «собирательное лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающихся не механически, а органически...» Эти размышления, несомненно, запали в душу юного Кропоткина, которой трудно было избежать двойственности. С одной стороны, мальчик знал, что он знатного рода, князь, с другой, для него не было ближе людей, чем дворовые, которые полностью находились во власти отца, часто несправедливого к ним, и которые с такой любовью вспоминали его мать. Потом он будет удивлять многих своей способностью понимать людей разных классов и сословий, умением находить с ними общий язык, опираясь на общечеловеческие ценности. Конечно, всю жизнь шло формирование его отношения к людям, но первый толчок душа получила в детстве.

Студент Николай Смирнов продолжал вести домашние уроки. Часто они состояли просто в чтении новинок литературы. А кое-что и переписывали от руки. Например, «Горе от ума», второй том «Мертвых душ» Гоголя, запрещенные цензурой стихи Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого. Читали вместе поэму Рылеева «Войнаровский», переписанную Сашей в кадетском корпусе специально для брата. С чувством религиозного благоговения проходили мимо дома Герцена в Сивцевом Вражке, а на Никитском бульваре - мимо дома, в котором болел и умер Гоголь. «Сивцев Вражек с его бурным ручьем, несшимся весной, во время таяния снегов, вниз к Пречистенскому бульвару, не знаю почему, всегда представлялся мне центром студенческих квартир, где по вечерам ведутся между студентами горячие разговоры обо всяких хороших предметах», - вспоминал он в письме, написанном в 1914 году.

Ожидание перемен витало тогда в российских столицах. Их необходимость ощущали уже многие. Главное, что должно произойти и о чем говорят все - отмена крепостного права. Петр жил среди крепостных своего отца. В московском доме - 50 слуг, в селе Никольском - 75, более тысячи крепостных в трех губерниях. Добрый, чуткий, впечатлительный от природы Петя каждый день наблюдал, как отец обращается со своими слугами, не считая их за людей, называя «хамовым отродьем», не останавливаясь перед тем, чтобы собственноручно избить кучера, наорать на ключницу, послать неграмотного настройщика Макара с запиской, чтобы дали ему сотню розог. На всю жизнь запомнил Петр Кропоткин, как он весь в слезах выбежал в темный коридор, желая поцеловать руку униженному Макару, а когда тот сказал ему, не то с упреком, не то вопросительно, что будет он таким же, как его отец, воскликнул с горячей убежденностью: «Нет, нет, никогда!»

Одно из важнейших впечатлений детства - Крымская война против Турции, в союзе с которой в 1854 году выступили Англия и Франция. На эту войну шел из Кадетского корпуса брат Николай. Вернувшись с фронта, он стал пить. Отец, обнаружив эту склонность Николая, отдал его в монастырь: сначала он жил во Владимире, потом перевелся в Киево-Печерскую лавру, а в 1862 году, когда ему было 28 лет, сбежал из монастыря и исчез навсегда.

Серьезным событием была и смерть Николая I в 1855 году, совпавшая с поражением России в Крымской войне. Кончилась эпоха деспотизма. От вступившего на престол Александра II русское общество ожидало проведения давно назревшей крестьянской реформы. Но ее подготовка затягивалась.

Тем временем для Петра Кропоткина подошел срок поступления в Пажеский корпус.

В Пажеском Его Величества.

1857 год. На пятнадцатом году жизни Петр едет в Петербург, где его во исполнение воли Николая I зачислят в Пажеский корпус, самое привилегированное в то время учебное заведение, основанное Екатериной II для пополнения рядов своей гвардии. За 100 лет корпус окончили такие известные в российской истории люди, как писатели Федор Толстой и Александр Дружинин, Александр Радищев и Павел Пестель. Пажами были фельдмаршалы И. Ф. Паскевич, герой войны в Болгарии генерал И. В. Гурко, граф Н. Н. Муравьев-Амурский...

Петр стал одним из 150 воспитанников, принятых в самый младший, пятый класс. Учиться предстояло пять лет. Шестнадцать лучших учеников выпускного, первого класса, производились в камер-пажи императора и получали, таким образом, возможность приобщиться к дворцовой жизни. В корпусе господствовала атмосфера подчинения младших старшим воспитанникам (чем-то похожая на современную «дедовщину»), процветали рукоприкладство и доносительство. Но проявившаяся в общественной жизни страны с началом царствования Александра II тенденция к либерализации стала заметна и в корпусе. Пришли новые преподаватели, и среди них два университетских профессора - историк И. С. Шульгин и литератор В. И. Классовский*, автор популярных книг «Теория и мимика страстей», «Помпея и открытие в ней древностей», «Мысли о воспитании». Первая

же лекция профессора Классовского потрясла всех. Небольшого роста, стремительный в движениях, учитель словесности, русской грамматики и литературы, он давал своим ученикам значительно больше, чем от него требовалось. Спустя много лет Кропоткин вспоминал, что Классовский умел «связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу».

Классовский заметил выдающиеся способности Петра Кропоткина и настойчиво советовал ему поступить после окончания корпуса в университет. «Вы будете славой русской науки», - говорил он ему. Действительно, у Кропоткина проявился интерес к науке. И с самого начала этот интерес был разносторонним.

С большой теплотой вспоминал Кропоткин выезды в летние лагеря в Петергофе. Там занимались топографическими съемками, которые доставляли ему «невыразимое удовольствие». И вот что его привлекало: «Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи...»

Пригодился гимназический опыт в рисовании географических карт. Петр снабжал всех своих одноклассников маленькими карточками-шпаргалками, так что составил целый миниатюрный атлас.

Другая самостоятельная работа была сделана по физике. Преподаватель физики Чарухин предоставил Кропоткину право составить по конспектам своих лекций большую часть нового учебника. С таким же энтузиазмом он занялся и химией, организовав с четырьмя одноклассниками нечто вроде лаборатории, в которой ставились самые опасные опыты.

Еще на втором году учебы в корпусе Петр увлекся историей. Он даже составил для себя по записям лекций и учебникам свой собственный курс по истории раннего средневековья. А когда его глубоко интересовал какой-то частный вопрос этой истории, он проявлял большую настойчивость, добивался разрешения пользоваться столичной Публичной библиотекой, куда воспитанники средних учебных заведений не допускались. Здесь он работал с первоисточниками, написанными на старофранцузском и старонемецком языках.

Вот пример, который относится к его социологическим увлечениям, впервые также проявившимся в годы учебы в Пажеском корпусе. Во время летних каникул брат Саша, занимавшийся тогда политэкономией, посоветовал Петру сделать статистическое исследование ярмарки Мещевского уезда, ежегодно проходившей в селе Никольском, чтобы определить ее оборот. И Петр проделал эту достаточно серьезную работу.

Ярмарка собиралась в Никольском в июле, в день Казанской божьей матери, в храмовый праздник местной церкви. Накануне площадь, обычно пустынная, кипела жизнью. Сооружался наскоро длинный ряд навесов, лавки для разного мелкого товара. В земле вырывались ямы для походных кухонь, готовивших щи и кашу для всей ярмарки: и для продавцов, и для покупателей. А тем временем по дорогам, ведущим к Никольскому, брел скот, грохотали телеги и возы, груженные нехитрым товаром: глиняной посудой, бочками с дегтем, домоткаными холстами, ситцем, пенькой, нитками, лентами, платками, сапогами,

хлебом, пряниками... В каменном сарае был оборудован трактир, рядом - три новых кабака. И после торжественного молебна ярмарка открывалась.

Юный Кропоткин, в котором многие крестьяне узнавали молодого барина, с тетрадкой обходил всех приехавших торговать и записывал «привоз» - сколько какого товара поступило. А потом так же тщательно спрашивал всех, какая выручка получена. Так сложился определенный баланс торговых операций. Можно было делать какие-то выводы. И вот главный: «...здравый смысл и способность быстрого русского крестьянина, выяснившиеся мне в эти два дня, произвели на меня глубокое впечатление». И еще один вывод сделал юный Кропоткин из своего общения с крестьянами на Никольской ярмарке. Он обнаружил дух равенства, присущий крестьянскому миру в отношениях с кем бы то ни было: «Никогда я не наблюдал в русском крестьянине того подобострастия, ставшего второй натурой, с которым маленький чиновник говорит о своем начальнике или лакей о своем барине»¹. Кропоткин возвратился в Петербург с первым научным социально-экономическим исследованием «Ярмарка в Унцовске», зашифровав название реального уездного Мещевска.

1 Записки, С. 73-74.

Столичное окружение приобщало к культуре. Юноша посещал оперы, вернисажи и очень много читал, пользуясь богатой библиотекой сестры Елены, жившей с мужем-юристом Н. П. Кравченко неподалеку от корпуса. Ему особенно близки были тогда стихи Некрасова и романы Тургенева, статьи Чернышевского и Добролюбова, печатавшиеся в журнале «Современник». Все это были «властители дум». Большинство пажей проходили мимо этих идей. Но ум юного Кропоткина их воспринял.

Успешный опыт домашнего «самиздата» Петр решил перенести в Пажеский корпус. Перейдя в третий класс, он задумал издавать рукописную газету под названием «Отголоски из корпуса». Сделал два номера. Каждый переписал в трех экземплярах и рассовал по столам тех, в ком чувствовал единомышленников. В этих листках утверждалось, что России нужна конституция, обличались непомерные расходы царского двора и злоупотребления чиновников. К счастью, корпусное начальство так ничего и не узнало. А друзья уговорили Петра не продолжать крамольное издание: дело могло кончиться намного хуже, чем просто заключение в карцер.

Воспитанник Кропоткин был склонен к философствованию и размышлениям. Огромное впечатление произвело на него чтение в подлиннике «Фауста» Гете. Он знал многие страницы наизусть. Особенный восторг вызывал монолог в лесу, в котором говорится о величии природы: «ты дал мне в царство чудную природу, познать ее, вкусить мне силы дал...» Потом он вспоминал:

«Бесконечность вселенной, величие природы, поэзия и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление. Никогда не прекращающаяся жизнь и гармония природы погружали меня в тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры. В то же время у моих любимых поэтов я находил образцы для выражения той пробуждающейся любви и веры в прогресс, которой красна юность и которая оставляет впечатления на всю жизнь...»¹

1 Там же, С. 69.

Двоюродная сестра Варя Друцкая доставала для него «Полярную звезду», издававшуюся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне. Альманах назван так же, как и издававшийся декабристами. На его обложке изображены профили пяти повешенных 14 декабря 1825 года декабристов. Этот запрещенный журнал вызывал страшное волнение. В нем - настоящее...

Уже в юношеские годы ощущал он неразделимую связь природы и общества.

Все события общественной и культурной жизни, новинки литературы обсуждались братьями в переписке, завязавшейся между ними, как только Петр уехал в Петербург. Они писали друг другу едва ли не каждый день. Их не по-детски серьезные письма свидетельствуют об огромной внутренней работе. Это было общение двух душ, двух умов, двух формирующихся личностей, очень близких и очень разных.

Александр чувствовал себя более взрослым и покровительствовал брату. Он был менее эмоциональным, в большей степени склонным к рационализму, чем Петр. В письмах тех лет чувствуется определенное лидерство Александра, его стремление при случае наставлять младшего брата; свои же возможности он оценивает очень высоко. А Петр, бесконечно любя брата, с ним соглашался, признавая огромное воспитывающее влияние, которое тот на него оказывал. По существу, так оно и было: «Саша сильно опередил меня в развитии и побуждал меня развиваться. С этой целью он поднимал один за другим вопросы философские и научные, присылал мне целые ученые диссертации в своих письмах, будил меня, советовал мне читать и учиться...» 1

1 Там же, С. 67.

Петр Алексеевич писал это в своих мемуарах уже в зрелом возрасте абсолютно искренне: он никогда не обижался на брата, даже когда тот бывал несправедлив к нему.

Переписка формировала их мировоззрение. В письмах братья обсуждали проблему выбора жизненного пути. «Человек должен иметь определенную цель в жизни», - писал Саша, упрекая брата в неопределенности его стремлений, в частой смене интересов, в желании объять необъятное. Помогая самообразованию брата, Александр, сам очень стесненный в средствах, покупал и посылал ему книги преимущественно научного содержания.

«Теперь я не могу без изумления вспомнить громадное количество книг, иногда совершенно специального характера, которое я тогда прочитал по всем отраслям знания...» * Серьезную философскую литературу читали они в подлинниках - на английском, французском, немецком. В письмах мелькают имена Марка Аврелия, Монтескье, Гюзо, Бланки, Фогта...

Александр в эти годы особенно любил поэзию, сам сочинял стихи, а Пете посылал в письмах переписанные им стихотворения и даже целые поэмы Лермонтова, А. К. Толстого, Огарева, Веневитинова и других поэтов. «Читай поэзию, от нее человек становится лучше», - писал он в одном из писем.

Прежде всего брату поведал Петр о своем желании уехать по окончании корпуса в Сибирь, поступить в Амурское казачье войско. Они в нескольких письмах обсуждали эту тему.

«Годы 1857-1861 были, как известно, эпохой умственного пробуждения России» 2, - писал Кропоткин. А публицист Н. Шелгунов выразился поэтично: «Точно небо открылось над нами и куда-то потянуло вверх и вширь...»

2 Записки, С. 86.

В 1860 году вышла на русском языке книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», свершившая подлинный переворот в науке. В своей переписке братья Кропоткины уже давно вели дискуссию на темы биологической эволюции. По поводу статей московского биолога, по существу предшественника Дарвина в России, К. Рулье, Александр написал брату несколько писем-размышлений об изменчивости видов и проблеме наследственности, вовлек его в дискуссию, ставшую для Петра началом одного из важнейших направлений последующей его научной деятельности. Дарвиновская теория надолго заняла едва ли не центральное место в письмах братьев.

Начало 60-х годов характеризовалось небывалым прежде оживлением русской журналистики. Наибольшего тиража - более 7000 экземпляров - достиг в 1861 году журнал Н. Некрасова и И. Панаева «Современник». Раздел «Политика» вел Николай Чернышевский, «Иностранные известия» - Михаил Михайлов с участием Шелгунова. Переводились на русский язык и выборочно печатались в журналах книги «История цивилизации в Англии» Генриха Томаса Бокля и «О свободе» Джона Стюарта Милля, в которой, в частности, утверждалось, что «всегда вредно увеличивать правительственную власть без крайней к тому необходимости... Никто так не способен управлять каким-либо делом, как те, которые лично заинтересованы в этом деле». Далеко не случайным был интерес к этим книгам у русских интеллигентов.

60-е годы - время реформ

В Пажеском корпусе было принято: лучший ученик старшего класса получал звание фельдфебеля, что давало ему право пользоваться преимуществами офицера. Но главное, тем самым он становился камер-пажем императора, а это означало частое появление во дворце и непосредственно рядом с всероссийским самодержцем - на больших и малых выходах, балах, приемах, парадных обедах. Помимо того, каждое воскресенье фельдфебель должен был лично докладывать государю на разводе, что «по роте все обстоит благополучно». Неблагополучием считался только немислимый в этих стенах бунт.

Кропоткин первым учеником был с самого начала, но в фельдфебели производить его не спешили: полагали, что он слишком мягок по характеру и не сможет обеспечить дисциплину в роте. И все же в 1861 году Кропоткин был назначен фельдфебелем и камер-пажем. Благодаря этому Петр смог близко познакомиться с придворной жизнью и лично с Александром II, которого в то время боготворил, видя в нем реформатора и освободителя крестьян. Он был готов в случае покушения на царя закрыть его своей грудью. Но в

результате наблюдений за дворцовой жизнью, за «августейшей семьей» и самим Александром постепенно стал тускнеть этот ореол, утрачивались иллюзии насчет реформаторской деятельности императора.

Однажды Петр стал свидетелем того, как царь прошел мимо, не обратив никакого внимания на бросившегося ему в ноги с прошением старого крестьянина. Следовавший за императором Кропоткин представил себе, с каким трудом добрался крестьянин до этого царского выхода, и взял прошение, хотя камер-паж не имел права этого делать. Царь был очень недоволен.

Сразу же после смерти Николая I началась своеобразная «оттепель». Заключение мира, разрешение издания до сего времени запрещенных произведений Пушкина и Гоголя, предоставление права всем газетам освещать политические события, снятие ограничений на поступление в университеты, разрешение посылать за границу для совершенствования в науках молодых ученых, - все это произошло в первые два года правления Александра II, вступившего на престол в 1855 году.

Возвращаясь после подписания Парижского мира 1856 года, Александр выступил перед дворянством Москвы с речью, в которой сказал: «Лучше уничтожить крепостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Царю хотелось, чтобы инициативу проявили сами дворяне: «Прошу вас, господа, обдумать, как бы провести все это в исполнение», - обратился он к ним. Эти первые шаги вызвали восторженную реакцию передовой русской интеллигенции.

В марте 1861 года Положение об освобождении крестьян России от крепостной зависимости было обнародовано.

Отношение братьев к реформе 1861 года, отменившей крепостное право, было вполне определенным: они ее приветствовали и видели в ней первое звено целой цепи реформ, которые привели бы российское общество к подлинному обновлению, демократизации, включению в число цивилизованных стран Европы, однако очень скоро стало ясно, что это было не совсем то, чего ожидали и интеллигенты-радикалы, и сами крестьяне. Положение усугубило желание царя задним числом угодить дворянству: Александр оставил при себе многих николаевских советников, поручил проведение реформы в жизнь тем людям, которые зарекомендовали себя ярыми крепостниками.

Крестьяне ждали от царя-батюшки «полной воли» и всей земли. Они почувствовали себя обманутыми - не царем, в которого беззаветно верили, а дворянами-помещиками, искажившими, как им думалось, принятое решение.

Более тысячи поместий той весной были охвачены крестьянскими волнениями. Это не были бунты, хотя кое-где они назревали. Чаще всего крестьяне собирались лишь для того, чтобы разобраться в царском манифесте, где они хотели увидеть то, чего там не было. Но власти были напуганы этим движением, им казалось, что возможно появление нового Пугачева. И они даже его нашли.

На фоне общего крестьянского недовольства произошло событие, обозначившее крутой поворот во взаимоотношениях между самодержавной властью и разночинной интеллигенцией, принявшей на себя долг защиты интересов народа.

А случилось вот что. В селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии крестьяне собрались перед домом единственного на всю округу «грамотея» Антона Петрова, который читал им Положение об освобождении крестьян, да так, что выходило, что в самом-то деле помещики «украли волю». Крестьян собралось много - тысячи четыре, а может быть, и шесть тысяч. И хотя никаких беспорядков они не устраивали, Александр II распорядился прислать войска. Граф Апраксин, возглавивший усмирение крестьян, направил в село две роты солдат. Было дано четыре залпа по безоружной толпе крестьян. И результат - 90 убитых (включая 40 человек, умерших от ран в больнице). Произошло это в апреле 1861 года, через полтора месяца после опубликования Положения об освобождении крестьян. Весть о беспощадном расстреле прежде всего достигла, конечно, Казани, которая была тогда в России третьим по значению университетским центром. Студенты заказали панихиду по «невинно убиенным». С речью на ней выступил их любимый преподаватель истории Афанасий Прокофьевич Щапов. Полубурят, учившийся в Иркутской бурсе, а потом в Казанской духовной академии, он решил посвятить себя русской истории. Но как настоящий интеллигент, не мог не откликнуться на события в селе Бездна. О погибших крестьянах Щапов сказал, что они пали искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу, а закончил речь словами: «Да здравствует демократическая конституция! Она нужна России, а также широкое и вечное самоуправление и саморазвитие!»¹

1 Щапов А. П. Собр. соч. - Иркутск, 1937. - Т. 2, С. 9.

На доносе казанского губернатора о произошедшей панихиде Александр II начертал: «Щапова необходимо арестовать», что и было исполнено. После освобождения А. П. Щапов еще несколько лет проработал в Петербурге, сотрудничая в журналах и газетах. Но потом все же был отправлен в бессрочную ссылку в Иркутск, где и встретился с Кропоткиным, на которого взгляды Щапова оказали значительное влияние.

В мае того же «года освобождения крестьян» произошла первая серьезная забастовка рабочих на чугунолитейном заводе в городе Лысьва Пермской губернии. Около 500 рабочих потребовали повысить оплату труда. И здесь власти решили прибегнуть к помощи войск.

Радикальная часть интеллигенции воспринимала ситуацию в стране как предреволюционную. Все шире распространялось убеждение в том, что мирным путем из кризиса не выйти - неизбежна революция.

Летом 1861 года стали появляться нелегально отпечатанные прокламации, распространявшиеся преимущественно студентами, которые с февраля были свободны, поскольку власти закрыли университеты столиц на восемь месяцев.

Первая прокламация «Великоросс» содержала обращение к «образованным классам России» и призывала «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы

спасти народ от истязаний». «Великоросс» выступал за конституцию, за учредительное собрание, против несовершенства крестьянской реформы, за предоставление свободы Польше. Арестован был распространитель листов молодой отставной офицер Владимир Обручев. Составители же найдены не были. В начале сентября появилась другая прокламация- «К молодому поколению», отпечатанная в Вольной русской типографии Герцена в Лондоне. Ее составили известный публицист Н. В. Шелгунов и поэт Михаил Михайлов. Защищавшая идею особого пути России, не повторяющего капиталистическое развитие Запада, она недвусмысленно призывала к революции. Михайлов, доставивший тираж (6000 экземпляров) в Россию и начавший его распространение, был арестован. Поэт и публицист, получивший широкую известность благодаря серии статей о роли женщин в семье и обществе, полностью взял на себя авторство прокламации и был приговорен судом к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири. Это была одна из первых жертв репрессий Александра II наряду с расстрелянным по приговору военно-полевого суда Антоном Петровым и крестьянами, погибшими в селе Бездна.

Шелгунов, уйдя со службы, выехал с женой вслед за Михайловым в Нерчинский округ, где был потом арестован и заключен в Петропавловскую крепость. С ним, как и с Михайловым, Кропоткин встретится в Сибири.

В русском переводе появилось тогда немало сочинений выдающихся мыслителей Запада. Огромный успех имела книга Людвига Бюхнера «Сила и материя». Она буквально овладела умами молодежи, пробудила в ней духовные силы. Под влиянием этой книги они последовали призыву Герцена, провозглашенному им в конце 1861 года по случаю закрытия университета: «В народ! К народу! - вот ваше место, изгнанники науки». Впрочем, массовое движение «в народ» началось лет через десять после этого призыва.

Осенью студенческие беспорядки прошли в Москве. 12 октября состоялось столкновение студентов с полицией около гостиницы «Дрезден». Ему предшествовали сходки, на которых обсуждалась петиция государю, демонстрация на могиле демократически настроенного профессора Грановского, походы с требованиями к попечителю учебных заведений и к генерал-губернатору, аресты...

Среди получивших телесные повреждения и арестованных во время схватки у гостиницы оказался Александр Кропоткин, только что поступивший в университет. Узнав об аресте брата, который длился недолго, Петр немедленно приехал в Москву. Спустя тринадцать лет ситуация как бы повторилась: арестован был Петр, и брат примчался издалека, чтобы помочь ему, но на этот раз дело неожиданно приняло трагический оборот для Александра...

«Я выбрал Амур...»

Настала весна 1862 года - время окончания Пажеского корпуса. Выпускники могли воспользоваться правом выбора места службы, наиболее перспективного для дальнейшей карьеры. Кропоткину было поручено обойти всех со списком «вакансий»: Кирасирский Его Величества полк, Преображенский, Конногвардейский...

Что же выбрать ему? Он мечтал учиться в университете. Но в этом случае нельзя было бы рассчитывать на помощь отца, который и слышать ничего не хотел о выборе сыном невоенного пути. Не исключалось и поступление в Артиллерийскую академию, где можно было получить неплохое физико-математическое образование. Но в душе рождалось совсем иное желание.

Тогда много писали о новых землях на крайнем востоке Сибири, освоение которых началось после заключения в 1858 году Айгунского договора с Китаем. Появились и научные труды исследователей Дальнего Востока, которые читал Кропоткин. Описания величественной природы края, примыкающего к Амуру, одной из крупнейших рек мира, увлекли его. И еще он думал о том, что если записаться в недавно образовавшееся Амурское казачье войско, штаб которого находился в Чите, то наверняка можно будет забыть об этой опостылевшей придворной парадности и заняться настоящим полезным делом.

Итак, он принял решение поступить на службу в Амурское казачье войско и вызвал этим недоумение всех своих товарищей, уже примерявших гвардейские мундиры. А в казачьем войске - форма самая невзрачная. Корпусное начальство было совершенно сбито с толку. Ведь Кропоткин был первым учеником, и вдруг - отказ от всех перспектив, пред ним открывающихся. Тем более что начальник корпуса получил телеграмму от отца: «Выходить на Амур запрещаю. Прошу принять нужные меры».

Воля отца значила в этом деле много, но случай помог...

Первым событием, вызвавшим репрессии в 1862 году, оказался неожиданный демарш тверского дворянства. В феврале этого года дворяне Тверской губернии на собрании приняли обращение к царю, в котором утверждалось, что осуществление намеченных реформ «невозможно путем правительственных мер», даже если будет проявлена полная готовность правительства их осуществить. Тверские дворяне потребовали для реального проведения реформ «собрания выборных от всего народа без различия сословия».

Это письмо вызвало гнев Александра II, к тому же среди подписавших обращение были два брата государственного преступника Михаила Бакунина, которому только что пребывание в крепости заменили ссылкой в Сибирь. По высочайшему распоряжению дворяне-«бунтовщики» были заключены в Петропавловскую крепость, а потом сосланы.

Еще одно событие оказалось по своим последствиям очень значительным - петербургские пожары в холодном мае 1862 года. Они начались в нескольких районах на Большой и Малой Охте, потом на Лиговском проспекте, достигнув апогея 20 мая грандиозным пожаром в центре города: загорелся Апраксин двор, занимавший с примыкающим к нему рынком обширное пространство между капитальными зданиями министерства внутренних дел, государственного банка, Публичной библиотеки и Пажеским корпусом. Огонь бушевал, грозя перекинуться на Публичную библиотеку и уничтожить пол-Невского проспекта. На счастье, не было ветра, а не то все здания, к которым примыкал рынок, были бы уничтожены. После того, как удалось отвести опасность от банка, центром борьбы с огнем стал Пажеский корпус. Пажи приняли участие в тушении пожара. Петр был едва ли не самым активным из них. Всю ночь, до четырех часов утра, полыхал огонь. А на другой день

фельдфебель Кропоткин провожал великого князя Михаила, приехавшего с обходом корпуса. Узнав о том, как юноша вел себя на пожаре, Михаил решил поддержать странный его выбор - «выход на Амур», пообещав снабдить высочайшей протекцией: «Я напишу о тебе генерал-губернатору и попрошу оставить тебя при штабе». Это покровительство снимало возражения отца. Теперь с ним можно было не считаться и ехать, даже вопреки ему.

Пожары были, несомненно, «на руку» правительству, рассчитывавшему значительную часть общества настроить против тех, кто ожидал более решительных действий на пути демократизации.

Сразу же по городу поползли слухи о поджигателях. Ими в правительственных кругах называли распространителей прокламаций. Полиция организовала усиленные поиски, которые ни к чему не привели: арестованных пришлось выпустить за отсутствием доказательств. В кругах же либеральной интеллигенции складывалось мнение о том, что поджоги организованы властями, чтобы иметь повод для усиления репрессий. И действительно, это усиление произошло.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 9-103.

“ Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мере на посторонний взгляд, в этом Сен-Жерменском предместье Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Позже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках, а то в старомодных - громадных и просторных, на высоких, висячих рессорах - каретах, запряженных четверкой, с фореитором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими. В те дни «идеи» еще не были в ходу; еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или ночным посещением жандармов. Пятьдесят лет назад никто не думал ни о чем подобном. Все было тихо и спокойно, по крайней мере, на поверхности.

В этой Старой Конюшенной родился я в 1842 году; здесь прошли первые пятнадцать лет моей жизни. Отец продал дом, в котором родился я и где умерла наша мать, и купил другой; потом продал и этот, и мы несколько зим прожили в наемных домах, покуда отец не нашел третий, по своему вкусу, в

нескольких шагах от той самой церкви, в которой его крестили и отпевали его мать. И все это было в Старой Конюшенной. Мы оставляли ее только, чтобы проводить лето в нашей деревне.

Первые смутные воспоминания. Наша мать умерла от чахотки. Ей было всего тридцать пять лет. Прежде чем покинуть нас навсегда, она пожелала видеть нас возле себя, ласкать нас, быть на мгновение счастливой нашими радостями; она придумала маленькое угощение у своей постели, с которой уже не могла более подняться. Я припоминаю ее бледное, исхудалое лицо, ее большие, темно-карие глаза. Она смотрит на нас и ласково, любовно приглашает нас сесть, предлагает взобраться на постель, затем вдруг заливается слезами и начинает кашлять... Нас уводят.

Я хорошо помню Крымскую войну... Обычный ход общественной жизни в Москве не был нарушен происходившей тогда великой борьбой. В деревне же, напротив, война вызвала очень подавленное настроение. Рекрутские наборы следовали один за другим. Мы постоянно слышали причитания крестьянок. Народ смотрел на войну, как на божью кару, и поэтому отнесся к ней с серьезностью, составлявшей резкий контраст с легкомыслием, которое я видел впоследствии в военное время в Западной Европе.

...Н. П. Смирнов, в то время уже окончивший университет (вторым кандидатом, первым был Б. Н. Чичерин, известный впоследствии профессор Московского университета), поступил в Гражданскую палату писцом на семь рублей в месяц. Возвращаясь из палаты, он часто покупал мне у Александровского сада, у букиниста, брошюры о войне, и из этих брошюр, которые я берег как «библиотеку», я узнавал о подвигах севастопольских героев.

Мне шел тринадцатый год, когда умер Николай I. Поздно вечером 18 февраля городские разносили по домам бюллетени, в которых возвещалось о болезни царя и население приглашалось в церкви молиться за выздоровление Николая. Между тем царь уже умер, и власти знали про это, так как Петербург и Москва были соединены телеграфом. Но так как до последнего момента ни слова не было произнесено о его болезни, начальство сочло необходимым постепенно «подготовить народ». Мы все ходили в церковь и молились очень усердно.

На другой день, в субботу, повторилось то же самое. Даже в воскресенье утром вышли бюллетени о состоянии здоровья царя. Лишь в полдень от слуг, возвратившихся со Смоленского рынка, мы узнали про смерть Николая I. Когда известие распространилось, ужас охватил как наш, так и соседние дома...

Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных - новой пугачевщины.

В это время на улицах Петербурга интеллигентные люди обнимались, сообщая друг другу приятную новость. Все предчувствовали, что наступает конец как войне, так и ужасным условиям, созданным «железным тираном». Говорили о том, что Николай отравился... Истина, однако, раскрылась постепенно. Смерть произошла, по-видимому, от слишком большой дозы возбуждающего лекарства, принятого Николаем.

...Когда я читал донесение о сдаче Севастополя, о страшных потерях, которые понесли наши войска за последние три дня перед сдачей, мы все плакали. Все ходили после этого как если бы потеряли близкого человека. При известии же о смерти Николая никто не проронил слезы. Такое чувство было не у нас одних...

В августе 1857 года пришла моя очередь поступить в Пажеский корпус, и мачеха повезла меня в Петербург. Мне тогда было почти пятнадцать лет. Уехал я из дому мальчиком; но человеческий характер устанавливается довольно определенно раньше, чем обыкновенно предполагают, и я не сомневаюсь в том, что несмотря на отроческий возраст, я в значительной степени тогда был уже тем, чем стал впоследствии. Мои вкусы и наклонности уже определились.

...К концу зимы я попросил Беккера (учителя немецкого в корпусе.- В. М.) дать мне «Фауста». Я уже читал его в русском переводе; прочитал также чудную тургеневскую повесть «Фауст» и теперь жаждал узнать великое произведение в подлиннике.

- Вы ничего не поймете в нем, - сказал мне Беккер с доброй улыбкой, - слишком философское произведение.

Тем не менее он принес мне маленькую квадратную книжечку с пожелтевшими от времени страницами. Философия Фауста и музыка стиха захватили меня всецело. Начал я с прекрасного, возвышенного посвящения и скоро знал целые страницы наизусть. Монолог Фауста в лесу приводил меня в экстаз, особенно те стихи, в которых он говорил о понимании природы: «Могучий дух, ты все мне, все доставил... Ты дал мне в царство чудную природу... Ты научил меня собратий видеть В волнах и в воздухе, и в тихой роще...»

И теперь еще это место производит на меня сильное впечатление. Каждый стих постепенно стал для меня дорогим другом. Есть ли более эстетическое наслаждение, чем чтение стихов на не совсем хорошо знакомом языке? Все покрывается тогда своего рода легкой дымкой, которая так подобает поэзии...

Первая лекция В. И. Классовского явилась для нас откровением. Было ему под пятьдесят; роста небольшого, стремителен в движениях, сверкающие

умом и сарказмом глаза и высокий лоб поэта. Явившись на первый урок, он тихо сказал, что не может говорить громко, так как страдает застарелой болезнью, а потому просит нас сесть поближе к нему. Классовский поставил свой стул возле первого ряда столов, и мы облепили его, как рой пчел.

Он должен был преподавать нам грамматику, но вместо скучного предмета мы услышали нечто совсем другое...

Конечно, мы не все понимали и упускали глубокое значение многого, но разве чарующая сила учения не заключается именно в том, что оно постепенно раскрывает пред нами неожиданные горизонты? Мы еще не постигаем вполне всего, но нас манит идти все дальше и дальше к тому, что вначале кажется лишь смутными очертаниями... Одни из нас наваливались на плечи товарищей, другие стояли возле Классовского. У всех блестели глаза. Мы жадно ловили его слова... В сердцах большинства кипело что-то хорошее и возвышенное, как будто пред нами раскрывался новый мир, о существовании которого мы до сих пор не подозревали. На меня Классовский имел громадное влияние, которое с годами лишь усиливалось...

Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей... в области литературы или общественной жизни, которые первым толчком к развитию не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школе, всюду должен был быть такой учитель. Каждый преподаватель имеет свой предмет, и между различными предметами нет связи. Один только преподаватель литературы, руководствующийся лишь в общих чертах программой и которому предоставлена свобода - выполнять ее по своему усмотрению, имеет возможность связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу. В России эта задача, естественно, выпадает на долю преподавателя русской словесности.

То же самое следовало бы делать при преподавании естественных наук. Мало обучать физике и химии, астрономии и метеорологии, зоологии и ботанике. Как бы ни было поставлено преподавание естественных наук в школе, ученикам следует сказать о философии естествознания, внушить им общие идеи о природе, по образцу, например, обобщений, сделанных Гумбольдтом в первой половине «Космоса».

Философия и поэзия природы, изложение метода точных наук и широкое понимание жизни природы - вот что необходимо сообщать в школе ученикам, чтобы развить в них реальное естественно-научное мировоззрение. Мне думается, что преподаватель географии мог бы всего лучше выполнить эту задачу.

Лучшее время наступало, когда кончались экзамены; до выступления в лагери у нас... имелся почти месяц, совершенно свободный, а затем, по возвращении из лагерей, мы были опять свободны целых три или четыре недели. Те немногие из нас, которые оставались в училище, пользовались тогда полной свободой и отпуском в любое время. В корпус мы возвращались только есть и спать. Я работал... в публичной библиотеке, ходил в Эрмитаж и изучал там картины, одну школу за другой, или же посещал казенные ткацкие фабрики, литейные, хрустальные и гранильные заводы, куда доступ всегда открыт. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодках по Неве и проводили белые ночи - когда вечерняя заря встречается с утренней и когда в полночь можно без свечи читать книгу - на реке или у рыбаков на взморье.

Из посещения фабрик я вынес... любовь к могучим и точным машинам. Я понял поэзию машин, когда видел, как гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода, вылавливает бревно из Невы и плавно подкладывает его под машину, которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается в рельс.

Музыка тоже играла важную роль в моем развитии. Она являлась для меня еще большим источником наслаждения и энтузиазма, чем поэзия. В то время русская опера почти еще не существовала; но то был период расцвета итальянской оперы. В Петербурге она была чрезвычайно популярна...

Весь Петербург делился на два лагеря: на поклонников итальянской оперы и на завсегдатаев французского театра, где уже тогда зарождалась гнилая оффенбаховщина, через несколько лет заразившая всю Европу. Наш класс тоже разделился на два лагеря, и я принадлежал к итальянцам. Нам не позволялось посещать кресла или галереи, а ложи в итальянской опере разбирались за несколько месяцев до начала сезона по подписке, в некоторых домах абонементы передавались даже по наследству. Нам оставалось, таким образом, пробираться в оперу по субботам на верхнюю галерею, где мы скучивались «в проходе» и парились как в бане. Чтобы скрыть бросающиеся в глаза мундиры, мы должны были стоять даже там, несмотря на духоту, в застегнутых черных ватных шинелях с меховыми воротниками. Удивительно, как никто из нас не схватил воспаления легких, в особенности, если вспомнить, что мы, разгоряченные овациями нашим любимцам, простаивали потом подолгу на улице, у театрального подъезда, чтобы еще раз поплодировать им. В то время опера каким-то странным образом связана была с радикальным движением. Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» или «Пуританах» всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие Александра II. А в шестом ярусе, в курительной и на подъезде собиралась лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общим благоговением к благородному искусству.

Летом мы вступали в лагерь, в Петергоф, вместе с другими военными училищами петербургского округа...

Я понял тогда, как много в военное время зависит от духа армии и как мало можно сделать путем одной дисциплины, когда от солдат требуется больше, чем среднее усилие. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отряд к определенному часу на поле битвы. Лишь энтузиазм и доверие могут в подобные минуты заставить солдат сделать невозможное. А для успеха на войне постоянно приходится выполнять «невозможное». Как часто впоследствии вспоминал я этот наглядный урок в Сибири, где во время научных экспедиций нам тоже приходилось все время выполнять невозможное.

Фронтное учение и маневры отнимали, однако, лишь небольшую часть лагерного времени. Мы много занимались практическими съемками и фортификацией. После нескольких предварительных упражнений нам давали буссоль¹ и говорили: «Снимите план этого озера или парка с его дорогами. Измеряйте углы буссолью, а расстояние шагами»... Мне эта съемка доставляла невыразимое удовольствие. Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи, оставили глубокий след в моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впоследствии стал исследователем Сибири, а некоторые из моих товарищей - исследователями Средней Азии, мы оценили, какой хорошей подготовительной школой послужили нам корпусные съемки.

1 Буссоль - геодезический прибор для определения магнитных азимутов - углов между магнитным меридианом и направлением на предмет.

В середине мая 1862 года, за несколько недель до нашего производства, наш полковник сказал мне:

- Кропоткин, приготовьте список выпускных. Сегодня его нужно будет отослать великому князю.

Я взял список воспитанников нашего класса и стал обходить товарищей. Каждый знал очень хорошо тот полк, в который поступит. Большинство щеголяло уже в саду в офицерских фуражках своего полка. Нам предоставлялось право выйти в любой гвардейский полк с первым чином или же в армейский с чином поручика...

...Я уже давно решил, что не поступлю в гвардию и не отдам свою жизнь придворным балам и парадам. Пошлость светской жизни тяготила меня. Я мечтал поступить в университет, чтобы учиться и жить студенческой жизнью. Это значило бы, конечно, порвать окончательно с отцом, который мечтал совсем об ином, и перебиваться уроками. Тысячи студентов живут

так, и такая жизнь меня нисколько не страшила. Но как сделать первые шаги в новой жизни? Через несколько недель я оставлю корпус и должен буду обзавестись своим платьем, своей квартирой. Мне неоткуда было взять даже те небольшие деньги, которые понадобятся для начала... Таким образом, на поступление в университет не было надежды, и я давно думал об артиллерийской академии. Это избавило бы меня на два года от фронтальной лямки; а в академии, кроме военных наук, я мог бы изучать математику и физику. Но в Петербурге тянул уже ветер реакции. В прошлую зиму с офицерами академии обращались как со школьниками. В двух академиях тогда были беспорядки, и в одной из них, инженерной, все офицеры, в том числе один мой большой приятель, вышли из академии.

И все более и более я останавливался на мысли о Сибири. Амурский край тогда только что был присоединен к России. Я читал об этом Миссисипи Дальнего Востока, о горах, прерываемых рекой, о субтропической растительности по Уссуре; восхищался рисунками, приложенными к «Уссурийскому путешествию» Маака, и мысленно переносился дальше, к тропическому поясу, так чудно описанному Гумбольдтом, и к великим обобщениям Риттера, которыми я увлекался. Кроме того, я думал, что Сибирь - бесконечное поле для применения тех реформ, которые выработаны или задуманы. Там, вероятно, работников мало, и я легко найду широкое поприще для настоящей деятельности.

Из переписки с братом Александром 1

1 Переписка Петра и Александра Кропоткиных. - М. - Л.: Acadetia, 1932. - Т. 1.

Март - апрель 1858 г.

“Петр : «...Теперь о России. Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устранить и потом приниматься за эмансипацию. Теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся теперь в скором времени, и, авось, мы доживем до того, что увидим Россию наряду с прочими европейскими государствами; многое, многое нужно будет переменить теперь, чтоб вышло что-нибудь порядочное. Что за роскошь при дворе! Собирают невероятные пошлины, чтобы содержать невероятно обширный двор...»

Александр: «...Я здесь читаю Искандера (Герцена - В. М.), 1-й № «Колокола», 1-й № «Полярной звезды» (1857) и его «Прерванные рассказы». Как хорошо, даром, что много желчи. Через него можно получить самые верные известия обо всем, что делается на Руси...

...Ты говоришь - «Разрушают старую систему: новая еще не создана. Предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили» - вроде этого. Позволь же тебе сказать: для того, чтобы на месте старой системы создать новую, разве возможно иначе поступить, как не разрушить сперва старую...

Крепостное право есть главное и основное зло, начало всех злоупотреблений, всего, что только есть дурного в России; не уничтожив его, нельзя приняться ни за какие коренные и даже немного важные реформы».

Петр: ...Я действительно необдуманно выразился: «предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили». Я повторил мнение других, но все-таки я размышлял об этом, очень интересовался этим, и вот что я подразумевал под самым главным: Самодержавие... Положим, Александр имеет очень добрые намерения, я уважаю его, но разве он не делает и вреда. (Конечно, сам он не виноват, виноваты предшественники его). Посмотри, каковы финансы в России?... Не лучше ли прежде сократить расходы, реже ездить на охоту, меньше держать лакеев, а потом освобождать крестьян... Сократить расходы, постепенно вести дела к уничтожению самодержавия, а вместе с этим уничтожить крепостное право, а уничтожать его одно... не то же ли это, что готовить бунт. Впрочем, быть может, нельзя иначе переменить правительство, как силою народа, но мне кажется, что можно, ведя дела постепенно, самому ограничить свою власть... Тут не нужно вовсе отречься от власти, а только ограничить ее, нужно только породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего народного голоса...

Май 1858 г.

“ Александр: ...Ты очень поверхностно рассмотрел вопрос о том, что «уничтожили крепостное право, самодержавие осталось»... Конечно, конституционное правление полезно только в стране развитой. Россия же только начинает развиваться; развития она достигнет, когда все классы ее населения будут более или менее образованы, - что без свободы для народа невозможно.

Январь 1859 г.

“ Александр: ...Я мельком упомянул о необходимости изучать естественные науки: уверься в этой истине. Философия без естественных наук в основе есть нелепость. Как можно решать такие вопросы, какие теперь, например, волнуют нас, без знания законов природы. Политические науки также осознали необходимость положить в своей основе естествоведение. На историю, экономический быт народов открывается совершенно новый

взгляд, который мы с тобой можем теперь только чувствовать. Теперь будет очень легко заниматься естественными науками, тем более, что ты хорошо знаешь математику. Разумеется, естественные науки имеют свои несовершенства... Мы стоим еще у порога изучения природы, в естественные науки не введен элемент философии. Они ограничиваются, по большей части, наведением, перечислением. Но уже занялась заря новой эпохи...

Февраль 1859 г.

“ Петр: ...Твое письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия, кроме каких-нибудь поверхностных сведений. Надо заняться...

Апрель 1859 г.

“ Петр: Ты разгадываешь причину, по которой он (отец) мне советует выйти в статскую службу. Он потому только советует мне это, что именно из Пажеского корпуса он рассчитывает, что хорошо выйду. У нас выпускают 10-м классом и многие (большая часть) выходят в министерство иностранных дел, на это-то он и рассчитывает. «Там дорога блистательная, говорит он: поедешь за границу, что всего лучше для твоего здоровья, и т. д.»

...Наконец я добился билета в Петербургскую публичную библиотеку, хотя и нельзя там бывать пажам, но они не знают, кто я. Посоветуй мне, что читать, редкостью книги не затрудняйся...

Июль 1859 г.

“ Александр: Я не могу признать за разумом того высокого значения, которое видят за ним, например, Искандер и, верно, - Шеллинг. Я не вижу никакого положительного доказательства тому, что мозг наш есть орудие, созданное природой, что мышление есть необходимое дополнение природы, крайнее звено ее саморазвития и т. п. И, во-первых, потому не верю во все это, что оно бездоказательно и что даже неизвестно, есть ли точно человек венец сознания...

Петр: ...Я заметил, что очень несведущ в философии, - я с ней знакомился урывками, из твоих писем. Поэтому мне часто встречаются слова, которые я не могу понять... Мне необходимо начать свое знакомство с философией...

Август- октябрь 1859 г.

Александр: ...Если ты точно хочешь заняться философией, я тебе посоветую, пожалуй, с чего начать. Науку хорошо бы изучать, да и должно, в том порядке, как я изложил выше, только поставить физическую географию прежде сравнительной анатомии, да изучив сначала астрономию и высшую математику.

...В последнее время я решаю, брат, великие вопросы. Это об отношении бытия к мышлению. Что есть знание? В каком отношении оно находится к природе? Какое его значение? Скоро ли доберусь я в этом деле до конца, не знаю, но тогда познакомлю тебя со своими мыслями об этом предмете. Это, может быть, важнейший вопрос философии; Кант решил его в пользу неабсолютности (т. е. относительной достоверности) человеческого знания; это я без него знаю, но тут еще дальше надо вести дело: какое значение имеет сама критика разума; какое значение имеет самосознание и т. д. Жду с нетерпением «Критики чистого разума». Она, верно, на многое обратит мое внимание, да поможет и сообразить свои мысли.

Декабрь 1859 г.-февраль 1860 г.

“ Петр: Ты пишешь между прочим, что к чему историку примешивать политические теории, - довольно просто и ясно изложить события, - я с тобой не согласен, этого очень мало. Историк должен показать причины и последствия событий, он должен сказать, имело ли такое событие благодетельное последствие или нет, и, говоря про это, он должен изложить, на чем основывается он при этом разборе, - вот уже причины излагать свои политические убеждения и доказать их, а если бы ты ограничил историю одним перечислением фактов, это вышла бы летопись, не больше, а в истории должен быть прагматизм, т. е. изложение причин и последствий; историк должен показать, почему такой-то действовал так, вот его политические убеждения. Кроме того, он должен сказать, ошибалось ли разбираемое лицо или нет, т. е. разобрать отношение его убеждений к понятиям этой эпохи, в которую он жил...

Не знаю, до чего я так дойду со временем, меня интересует и желание получить практическое воспитание, и естественные науки, и история по временам затрагивает меня. На чем же я остановлюсь? Неужели ни на чем? Более и более убеждаюсь я в неспособности понимать философские книги; да и лень одолевает... Обломовщина? Избави бог. Зато вдвое более прежнего люблю я поэзию, и никогда стихотворения не могли доставить мне такое удовольствие, как теперь. Все это, однако ж, ничто. Я чувствую, как вредит мне корпус, он убьет во мне последнее, что было хорошего!

Часто задаю я себе вопрос, что из меня выйдет? Не так давно еще я мечтал сделаться историком... теперь вполне убедился, благодаря тебе, в своей полной неспособности к этому. С естественными науками я очень мало

знаком, мне кажется, что я мог бы ими заниматься. Наконец, математика довольно интересует меня теперь и, по отзыву решительно всех учителей в корпусе, я способен к математике, задачи, над которыми другие ломают себе голову по нескольку часов, мне достаются очень легко. Быть может, естественные науки сделаются моим главным предметом. Но, конечно, я считаю себя способным предаться науке, и меня тянет возможность в будущем уметь прилагать свои знания к делу, посвятить себя сельскому хозяйству, промышленности; сельское хозяйство теперь нужно улучшить. Системы обработки у нас, ты можешь убедиться в этом на деле, устарели, - вот обширное поприще. Конечно, для этого я считаю необходимым первоначальное образование, и поступление в университет есть мое первое желание, впрочем, все это такие мечты...

Я замечаю, что эта нелепая корпусная атмосфера вредно действует на меня, - пошлеешь с каждым днем... Скверно.

Я не теряю надежды достигнуть вольного гражданства. Я должен быть в университете; иначе я выйду необразованным. Я должен получить общечеловеческое образование, конечно, я не мечтаю быть ученым, но при моем невежестве при выходе из корпуса я не могу быть полезным членом обществу, итак, повторю мое давнишнее решение, я буду в университете, я никогда не изменял этого решения, не знаю, почему ты говоришь как о решенном, что я не хочу в университет.

Я писал о приложении естественных наук к сельскому хозяйству под влиянием различных впечатлений. Теперь скажу тебе, что не могу еще решить, на какой факультет пойду, может быть, на факультет естественных наук... это выяснится со временем, тогда решу, когда буду поступать. Я знаю только наверное, что буду всячески стараться попасть в университет, а потому благодарю тебя за совет выйти в гвардию.

Февраль 1860 г.

“ Александр: ...Но зачем мне быть студентом: а) чтоб пользоваться лабораториями, обсерваториями, музеями, лекциями? Всем этим я могу пользоваться и будучи сторонним слушателем... Чтоб стать кандидатом? Но зачем мне быть кандидатом?... На ученые степени я смотрю как на м. б. вырождающийся пережиток из остатков средневекового университета, желать кандидатства, воображая, что оно много поможет при отыскании места домашнего учителя - вряд ли умно.

Я получу скоро из Москвы... «Основы геологии» Лайеля*, которые очень советую тебе прочесть.

Март 1860 г.

Петр: Каждый человек, мне кажется, должен быть специалистом по какой-нибудь части, вот почему я и писал - общечеловеческое образование, т. е. такое, которое должен получить всякий, а вовсе не общее, ты меня не понял. Конечно, за общим не следует идти в университет! Вот почему я должен быть в университете.

Потом всякий должен быть полезным членом обществу, - конечно, не требуется, чтоб он так собою пожертвовал, чтоб ходил босиком, - а должен по мере сил... полезно трудиться на каком-нибудь поприще, а не то, что ему кажется полезным деспотизмом, так стараться вести деспотизм. Нет, от него требуется, по-моему, не более как честное исполнение своих обязанностей...

Теперь книги по части естественных наук сделались для меня насущною потребностью, как прежде исторические...

Август 1860 г.

“ Александр: ...Сейчас думал: вся моя жизнь сцепление размышлений - и только; я человек мысли, но не дела, потому моя жизнь решительно лишена всякого интереса: разве только моя борьба с обстоятельствами. Но других событий - нет. Потому-то я в тупик встаю, что еще написать тебе. Была пора, мы жили одной умственной жизнью, горела наша переписка; теперь не то: мы разошлись умственно, ты отстал от меня в том, что некогда занимало нас обоих. Не о чем писать, нить порвана... Ты отстал, ибо не склонен к умозрениям. Но предвижу я вновь шестивие рука об руку: пора готовиться Руси к свободе!... я уже начинаю понемногу волноваться! Тут мы, надеюсь, не разойдемся. Может быть, близко время, когда интересы народа найдут во мне участие, равное с интересами науки. Будь это хоть мечта.

Сентябрь 1860 г.

“ Петр: Вот еще чем я намерен позаняться и о чем хочу с тобой посоветоваться. Математика интересует меня, химия, сколько она мне немного известна, тоже интересна; я хочу поступить в Артиллерийскую академию... Итти в университет... но не рассчитываю я на себя на поприще ученого, профессора и т. д., наконец, мне хотелось бы быть сколько-нибудь полезным...

Я обращаюсь к тебе за советом, как ты об этом думаешь; напиши мне. Ты знаешь, что мне хотелось бы предпочтительно заняться сельским хозяйством, но, впрочем, мы переписывались об этом. Прощай. Пока писать нечего; но не забудь твоих слов про шестивие рука об руку. Припомнишь их когда-нибудь, - во мне будет верный товарищ.

Сентябрь - ноябрь 1860 г.

“ Александр: Твое желание поступить в Артиллерийскую академию очень похвально: замечу, однако, что вряд ли достигнешь путем, который выбираешь, целей, которых добиваешься. Деньги достаются очень и очень не легко тем, кто кончил курс в Артиллерийской академии. Управлять заводом - идеал почти недостижимый. Вообще - путь, тобой выбираемый, отнюдь не ведет к целям, которые тебя прельщают.

...Что до твоего предложения прислать мне денег: отказ. Я из собственного своего эгоизма прошу тебя не присылать; ты настолько меня любишь, что удовлетворишь моему эгоизму; поверь, что мне в сто раз приятней видеть тебя в относительном довольстве, чем себя. У тебя, брат, и так-то нет ничего. А ты готов снять для меня хоть рубашку. Спасибо тебе, мой друг; прими за правило: твоему брату приятней знать, что у тебя есть деньги...

...Я счел бы себя наисчастливейшим в мире, если б был знаком с Лавровым. Конечно, это невозможно. Лавров - Петр Лаврович*, полковник и читает в Артиллерийской академии механику.

... Скажу прямо: я не верю в тебя; корпус почти погубил тебя. С горьким, горьким чувством думаю я теперь о тебе; чем ты стал, мой милый, милый Петя? Что есть в тебе, кроме внешнего лоска? Я всегда был предубежден против первых учеников; очень редко выходят из них порядочные люди науки. Я слишком люблю тебя, чтоб выносить такое сознание равнодушно. Повторяю, сердце сжимается иногда о тебе. Гордая самоуверенность проглядывает у тебя... Ты человек не науки! Наука не для тебя; научное поприще так тернисто, что только страстная любовь и верность к науке может поддержать на нем человека...

Февраль 1861 г.

“ Петр: ...Ты, может быть, спросишь, что я делал все это время после праздников? - немного. Хотя и работал как лошадь. Я не хотел не исполнить обещания, хотел кончить перевод и кончил, работая целый день, ничего почти не читал, только занимался математикой и переводил. Эту неделю всю исключительно посвящу математике...

Февраль 1961 г.

“ Александр: Не хочется верить, что не настанет для нас пора лучшей жизни; только не с низших классов может начаться резня, как думают; все надежды свои я полагаю на дворянство, потому что оно одно сколько-

нибудь находится под влиянием мысли о лучшей жизни, более правильной.

А может и то быть, что Александр II сам примет на себя инициативу в деле политического улучшения; нечего и говорить, что то было бы лучше: обеспеченнее, спокойней.

Март 1861 г.

“ Петр: ...Что, тебе, брат, сказать обо мне, немного есть что рассказывать. Занятия математикой идут обычной чередой. Химией занимаюсь также постоянно, время от времени, когда появляются финансы, занимаемся опытами в нашей маленькой лаборатории. Свободное время посвящаю музыке. Сегодня я урвался из корпуса в концерт, и... наслаждался, слушая, например, глубоко прочувственное трио Глинки из «Жизни за царя», сколько в нем родного, близкого сердцу, выплаканного, как и во всех русских мотивах.

Как в Москве приняли освобождение крестьян?... Народ везде с восторгом встречает царя, но только у всех недоумение какое-то. «Что ж мы, вольные, говорят, или как?», и в этом роде.

Сентябрь 1861 г.

“ Александр: ...Здесь, брат, у нас в университете черт знает что делают, не то что у вас. Никакого единодушия - ничего...Выкинем какой-нибудь скандал, чтобы закрыли университет. Закрытие нескольких университетов авось подействует на Александра...

Напиши немедленно и подробнее, что делается теперь в Петербурге.

Октябрь 1861 г.

“ Петр: Письмо твое получил вчера, но не отвечал вчера, потому что некогда было.

Вот что у нас делается.

Ничего хорошего, - везде подлость, мерзость, гадость. В понедельник на прошлой неделе, кажется, было собрание студентов университета. Университет закрыт.

...Начали хватать студентов, ловить всех, кого вздумается агентам тайной полиции. По всему городу ходят патрули, разъезды, в частях стоят команды, полки в готовности выступить, караулы усилены. Беспрестанно встречаем жандармов командами... Студентов переловлено до трехсот. Но они не

унывают несколько, всякого встречаешь с веселой физиономией... Общество им сочувствует...

Февраль 1862 г.

“ Петр: ...Мне припомнилось, что я писал где-то: «хоть бы на Амур отправиться». Теперь я думаю об этом, ведь на Амуре тепло... потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места.

Потом мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен или я ли нет: мне кажется, на что-нибудь да гожусь... Одно плохо - далеко... Вообще надо будет подумать об этом, разузнать о климате Амурского края, о растительности, природе и жизни. Наконец, о лицах, с которыми пришлось бы служить...

Я жду с нетерпением нового романа Тургенева «Отцы и дети». Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отживают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представляет?

Прощай. В июне увидимся на несколько дней...

Март 1862 г.

“ Александр: Как можешь уже догадаться, ехать на Амур я не советую тебе; прошу даже тебя не ехать туда. На Амуре ты можешь только хандрить и мучиться еще более, чем в Москве и Петербурге. Золотой месяц наслаждения новизной пройдет быстро. Только естествоиспытатель может ощущать в себе неумолкаемую любовь к природе, наслаждаться ею ежедневно, ежечасно... Простое созерцание наскучит быстро; для обыкновенного смертного любовь к природе возможна только перемежающаяся, в воспоминании, или же в сердце, как любовь к родине...

Март 1862 г.

“ Петр: ...Ты говоришь, обдумай свои потребности и тогда решишь и т. д. Но ты знаешь, пожалуй, не хуже меня мои потребности, - я не раз тебе высказывал их и на словах, и в письмах: мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать, писать, думать, а для этого нужно свободное время, и нужно, чтоб обстоятельства, обстановка не мешали...

...Говорят, даль, а я говорю, нет, близко, смотря откуда считать, вольно вам брать за центр Питер, а я возьму Тихий океан, мне это решительно все

равно, - я запасусь книгами, и мне будут высылать книги, выбор книг я могу поручить тебе же. Нужны деньги - да, но Амур так мало знаком, узнать его так хлопот... я убежден, что стоит предложить свои корреспонденции «Современной летописи» и примут с удовольствием, платить будут тебе. Преимущество на стороне Амура. Потом есть много мелочей, на которые можно тебе кое-что заметить, хоть бы о наслаждении природою. Это для меня так важно, я так наслаждался всегда природою, и это наслаждение так всегда на меня действовало, что будь сегодня хорошая погода, я лучше работаю, лучше себя чувствую, после нескольких минут наслаждений природой я на два дня веселее. Вообще замечу, что ты об Амуре имеешь самое смутное понятие, что если бы ты познакомился покорооче, то м. б. немного иначе смотрел бы на это. Я более и более убеждаюсь, что ехать на Амур мне лучше, чем здесь оставаться в Академии.

Март 1862 г.

“ Александр: Право, не знаю, что написать тебе об Амуре. Не знаю, отчего, но я твердо убежден, что ты не раз помянешь меня, если уедешь туда. И я верю своему чутью; оно у меня очень развито и вряд ли когда обманывало меня... Так поверь хотя моему чутью, Петя. Не езди на Амур, не связывай себя, не езди даже на два года. Что ты захочешь вернуться, в этом я убежден.

Май 1862 г.

“ Петр: Саша, вопрос о выпуске решился окончательно, я еду на Амур. Почему? Ты знаешь...

Я надеюсь устроиться на Амуре довольно хорошо... Ты спросишь, что же я там буду делать? Да на первых порах хоть то, что собирался и здесь сделать, выучить английский язык, буду заниматься кристаллографией, изучать дальше математику, если не наскучит, но вообще я уверен, что без дела сидеть не буду... Я выбрал Амур.

II. Сибирский реформист

Путешествие из Петербурга в Иркутск

Вступая в новый этап своей жизни на двадцатом ее году, Петр Кропоткин начал вести дневник, написав на обложке тетради: «От Петербурга, через Москву и Калугу до Иркутска».

24 июня 1862 года в поезде Николаевской железной дороги он сделал первую запись: «Наконец-то навсегда выбрался из Петербурга. Пода, давно пора...» А в письме к брату вспоминает строчки из стихотворения Николая Огарева, в котором настойчиво повторяется слово «Свобода». Именно ощущение свободы переполняло его душу. И ничто уже не могло остановить это стремление в даль, к неизведанному. Оно стимулировалось уверенностью в том, что там, в Сибири, найдет свое место, сможет быть полезным обществу.

«Да, я радовался, уезжая из Петербурга. Чего мне было там жалеть? В Петербурге мне было жаль оставлять только одно здание - Большой театр. Сколько дивных, приятных, грустных, веселых минут я провел там!...»

Театром и оперой, в частности, Кропоткин был очень увлечен. Он сам неплохо пел, предпочитая именно оперные арии. Колоссальное впечатление произвела на него опера М. И. Глинки «Жизнь за царя», и после ее прослушивания он написал заметки «О русской опере».

В Москве зашел в редакцию «Московских ведомостей» и договорился с одним из редакторов этой газеты П. М. Леонтьевым, что будет присылать из Сибири письма для публикации в воскресном приложении «Современная летопись». Гонорары он просил передавать брату, оставшемуся без определенных занятий после исключения из университета за участие в беспорядках. Леонтьев охотно принял предложение молодого князя, уже имевшего небольшую, но серьезную публикацию в петербургском «Книжном вестнике». Там выпускник Пажеского корпуса напечатал рецензию на статью известного литератора радикального направления Н. В. Шелгунова, опубликованную в «Современнике», в которой была изложена работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Только одно условие выдвигал будущий автор писем из Сибири - не ставить в подписи под статьями его княжеского титула. Кичиться своим аристократическим происхождением он не собирался. Правда, потом, находясь в эмиграции, он вынужден был смириться с тем, что английские редакторы подписывали его статьи только так - prince Kropotkin.

29 июня Петр выехал из Москвы в калужское село Никольское, где прошло детство и где его ждал отец с последней надеждой на то, что сын останется, образумится и не поедет на далекий Амур. Надежда его была связана с семнадцатилетней дочерью богатого соседа-помещика Лидией, которую, казалось, Петр полюбил. И действительно, им овладели

сомнения: не поселиться ли в имении, не отдаться ли семейному счастью? Вместо трех дней, как предполагал, он прожил в Никольском почти месяц. Но колебания преодолел, и 27 июля покинул калужскую землю, продолжив путь на восток.

С грустными мыслями ехал он в поезде, переполненном пассажирами, спешащими на открывающуюся вскоре Нижегородскую ярмарку.

И вот - Владимир, город славной русской истории. «Не чувствуя усталости, я тотчас по приезде пошел гулять по Владимиру. Городок оригинальный, весь невелик, но на горах, и горы - с преогромными оврагами...» Петр старается записывать свои впечатления, помня об обещанных «Московским ведомостям» письмах.

От Владимира в Нижний строится железная дорога, но поезда еще не идут. Приходится ехать в тарантасе по ухабистым лесным дорогам. На пути старинные села: Боголюбово, Павловские Дворики, Вязники... В Нижнем Новгороде, конечно, первым делом - на ярмарку, не совсем еще открывшуюся. А вечером - в театр, на «Макбета». Играл знаменитый чернокожий трагик Айра Олдридж, приехавший из Лондона. Гастролировал по всей России и везде имел триумфальный прием.

Запись в дневнике: «Вчера я был в Кремле, отыскивал древнее лобное место, с которого Минин сзывал Русь к обновлению, и странно, не нашел, никто не знает... На высоком месте Кремля поставлена беседка. Что за вид! Виднеется слияние Оки и Волги, на этом мысу - ярмарка; обе реки уставлены судами, целый лес мачт перед глазами... Вся ярмарка как на ладони, а там, вдали, пологие берега Оки и Волги, вода стоит местами... Что за даль, ширь!... Я долго, долго любовался видом, едва отошел».

Люди занимали молодого путешественника не меньше, чем ландшафты и исторические памятники. Вот он разговорился с хозяином гостиницы, вчерашним крестьянином, не имеющим никакого образования, но начитанным и выписывающим такие серьезные журналы, как «Русский вестник», «Современник». Разговор с портным, который шил ему чехол на чемодан, тоже заставил задуматься. Бывший крепостной поведал, что изобрел не более не менее, как перпетуум мобиле.

А когда шел по мосту через Оку, глубокую грусть навеяла песня гребцов на судне, похожая на стон: «Что-то очень дикое, очень возмущающее душу, наводящее грустную думу, бессильную злобу, желчную задумчивость...» - записывает он в дневнике. И чем дальше едет в глубь России, тем чаще возникает ощущение своей отчужденности от народа и чувство сострадания к нему. Спустя два-три года, усиленное новыми впечатлениями, это чувство выльется в осознанное неприятие существующих общественных отношений.

Вятская губерния, Кама... В Елабуге Кропоткин впервые столкнулся с таким явлением, которому потом, спустя шесть лет, посвятит статью в «Санкт-Петербургских ведомостях». В ней он расскажет о вреде чрезмерных рубок леса, приносящих сельскому хозяйству огромный вред. Увидев впервые, как безжалостно вырубают лес в Елабуге, он не успокоится даже и в Сибири, где поистине океан леса.

В Сарапуле его занимало, почему этот небольшой городишко имеет такую узкую устойчивую специализацию: все сапожники. Объяснялось все просто: во-первых, избыток кожи, конской и козлиной, а затем - удобен сбыт по Каме и Волге. Это - явный интерес Кропоткина к экономическим связям, пробудившийся, как мы знаем, еще в детские годы в уездном городке Мещевске.

Перед Екатеринбургом - степной просмотр: великолепная земля, буквально черная, и села тянутся иногда более чем на версту.

...Трясет в тарантасе по холмам уральским, укачивает, в сон бросает. И вдруг денщик Петров говорит: «А вот, ваше сиятельство, памятник какой-то, что ли?» Это граница. На высшей точке главной горной цепи Урала стоит вдоль дороги столб светло-серого мрамора с надписью на одной стороне - «Европа», на другой - «Азия».

Всего 34 года назад мимо этого столба проехал Александр фон Гумбольдт, полгода путешествовавший по России. Началась Сибирь. Что он знал о ней? Да, в общем-то, немало. Знал о дерзком прорыве в Сибирь казачьего атамана Ермака и о подвиге казаков-землепроходцев, прошедших через всю громадную страну, достигших Тихого океана и берегов Америки, поставивших свои деревянные крепости - остроги среди тайги и гор, на берегах неведомых рек и озер, начавших освоение бескрайней земли сибирской.

Крупнейшие фигуры вырисовываются в истории познания необъятных просторов Сибири в XVIII веке. Например, Витус Беринг, дважды пересекший со своим грандиозным обозом всю Сибирь до восточной оконечности - Камчатки, откуда отправился на поиски Америки, открыв пролив, разделяющий два континента. Или участник экспедиции Беринга Степан Крашенинников, составивший первое описание «земли камчатской». А имена бесстрашных подвижников Великой Северной экспедиции, продолжавшейся десять лет, - братьев Лаптевых, Семена Челюскина, Степана Малыгина и других - увековечены на берегах Северного Ледовитого океана.

Пророческие слова Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью», на столетие определили понимание передовыми деятелями русского общества места Сибири в жизни страны. Исследование ее природы, этнографии, археологии считалось почетной задачей. Изучение природы Сибири и Дальнего Востока, развернулось с новой силой в середине XIX столетия. В 40-50-е годы его проводили горные инженеры, землемеры, местные жители - энтузиасты, в большинстве - ссыльные. Многие сделали декабристы, особенно Иван Якушкин и Николай Бестужев, организовавшие регулярные метеорологические наблюдения, изучавшие флору и фауну края.

Большой вклад в изучение Сибири и Арктики внес российский академик Александр Федорович Миддендорф*, отправившись в путешествие в 1842 году. Снаряженная Геттербургской Академией наук, его экспедиция в значительной мере предопределила характер дальнейших исследований в Сибири, а двухтомный труд «Путешествие на север и восток Сибири», вышедший спустя десятилетие, стал образцом комплексного научного обобщения. Продолжив сверх программы экспедицию в бассейн Амура, Миддендорф дал, по его словам, «картину всего Амурского края, которая бросила новый свет на эту страну».

В 1855 году географ Н. Г. Меглицкий совершил путешествие по Амуру, собрав большую коллекцию растений. В том же году начала работать академическая сибирская экспедиция, в которой математик Леопольд Шварц руководил составлением карты, а геолог Фридрих Шмидт проводил геологические исследования. Эта экспедиция выполнила широкую программу. Она получила много новых данных по геологии, горному рельефу, растительности и животному миру. А кроме этого исследовала пеструю этнографию края и экологические условия жизни населения.

Все эти исследователи продолжили работу первых казаков-землепроходцев, им тоже приходилось преодолевать громадные территории, на которые еще не ступала нога ученого, а то и вообще человека. Таким же «землепроходцем» суждено было стать Кропоткину, хотя, приближаясь к месту своей службы в Восточной Сибири, он этого даже не предполагал.

«Да, странное впечатление должна производить Сибирь на каждого приезжего, как бы он ни был предубежден против нее, - писал Кропоткин из Томска в воскресном приложении к «Московским ведомостям». - С самого детства все мы слышали про эту страну, как про место ссылки, про какую-то низменную покатость к Ледовитому океану, только на юге плодородную, а то всю покрытую болотами и тундрами, и привыкли представлять ее себе чем-то диким, пустынным...

Но, проезжая по бесконечным хлебородным степям Тобольской губернии, я с удивлением вглядывался в окружающее и задавал себе вопрос: отчего всем нам знакома только та безотрадная Сибирь с ее дремучими тайгами, непроходимыми тундрами, дикою природой-мачехой, где случайно заброшенный человек из сил бьется, чтобы прожить кое-как, а между тем всем нам так малознакома та чудная Сибирь с ее богатыми, необозримыми лугами, - где наметаны сотни стогов сена, да каких, каждый с порядочную избу, - с ее бесконечными пашнями, где рослая пшеница так и гнется под тяжестью огромных колосьев, где чернозем так жирен, что пластами ложится на колесах... где природа-мать и щедро вознаграждает за малейший труд, за малейшую заботливость? Отчего? Или оттого, что мы знаем Сибирь только как страну ссыльных, или оттого, что при природной беспечности кто и знает ее, то лишь для себя, а с другими не делится сведениями? Не знаю, не берусь решить, но со своей стороны заявляю только замечательное богатство проеханных мною южных округов Тобольской губернии. Земли самого чудного качества здесь много, слишком много...»

Первым сибирским городом была Тюмень: город деревянный, с «грязными до невероятия улицами». Но Кропоткин обратил внимание, что «в мещанских плохоньких домиках живут очень порядочно, зажиточно, читают, и читают довольно много».

Всего ночь в Тюмени. И тотчас - дальше. Вдоль дороги болота, поросшие березняком. Но они уступают место лугам и вот уже переходят в большие поля черноземной Минусинской котловины. Райская земля...

...26 августа Кропоткин выехал из Томска, а через четыре дня прибыл в Красноярск. Здесь впервые возникли на горизонте настоящие горы - заснеженная цепь Саян. И дорога пошла неровная - с холма на холм. Множество очень быстрых рек пересекали ее - через них

приходилось переправляться на веслах. На склонах гор - крестьяне, корчующие пни, распахивающие землю. И необъятная тайга вокруг.

«Наконец, 5-го сентября увидел я воды Ангары; через несколько времени на другом ее берегу засерели и забелели домики и дома Иркутска...

Вот и все, вот и все трудности».

Написав так, Кропоткин хотел опровергнуть укоренившиеся в Петербурге и Москве представления о необычайно тяжелой дороге в Сибирь. «Подумайте, пять тысяч верст только до Иркутска! Пять тысяч верст!» - говорили ему в столице с выражением почти ужаса всего месяц назад. И вот они позади, все пять тысяч верст.

«Летом путь от Москвы до Перми и считать нечего,- в неделю вы доберетесь до Перми без малейшей усталости, но до Иркутска останется еще 3800 верст... Однако, во-первых, нужно вспомнить, что срок, даваемый правительством для того, чтобы доехать до места службы в Восточной Сибири - шесть месяцев - позволяет ехать не спеша, даже с большими расстановками; а, во-вторых, 3800 верст, при хорошей сибирской езде, не так страшны, как кажутся. Я, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, - дожди и слякоть, сопровождавшие меня на большей части пути, как вам известно из моих прежних писем, несмотря на то, что употребил более семи суток на ночевки и остановки в городах, проехал это пространство в четыре недели. И я поручусь, что при такой езде дорога никого не утомит: человек удивительно свыкается со всем, следовательно, и с тряской в экипаже, а пять-шесть ночевок в значительных городах дают возможность вполне отдохнуть после четырех-пяти дней непрерывной езды.

Что до скуки в дороге, то человеку наблюдательному, едущему в первый раз в Сибирь, нечего ее бояться, - на пути представится много интересного».

Любознательность Кропоткина, открытость для внешних впечатлений была, конечно, необычайной. Долгая дорога, во время которой удалось узнать много нового и получить обильный материал для работы мысли, была для него истинным праздником. Собственно, на пути в Восточную Сибирь и родился Кропоткин-путешественник, географ, естествоиспытатель. В сравнительно небольшой период времени - оно как бы прессуется в дороге - обилие впечатлений преобразует человека. В тот момент, когда возникли за Ангарой дома Иркутска, Кропоткин был уже не тем, кто всего шесть недель назад выехал из родового имения в Калужской губернии. Он был подготовлен дорогой к новой деятельности.

Воздух Сибири

Крупнейший в те времена город Сибири Иркутск по европейским масштабам был совсем невелик (всего 22 тысячи жителей). Но после месячной скачки путника почти по безлюдному пространству он произвел впечатление: несколько каменных домов, церкви, довольно много гуляющих на улицах, множество одноместных экипажей - оживленный по-столичному город.

Переехав через Ангару на пароме, Кропоткин направился в гостиницу «Амур» - название напоминало о цели путешествия, которая, впрочем, была еще очень далека. Именно здесь, в Иркутске, на триумфальных воротах, поставленных генерал-губернатором Восточной Сибири Николаем Муравьевым-Амурским, выведено четко: «К Великому океану». Хотя до океана - почти как до Петербурга.

Граф Н. Н. Муравьев-Амурский навсегда оставил о себе память. Ведь он отстоял за Россией Амурский край, которым петербургские власти готовы были пренебречь (так же, как они откажутся от Аляски и русской Америки в 1868 году). Он укрепил позицию России на Тихом океане и приступил к освоению почти ненаселенной территории вдоль Амура, расположив на протяжении более трех с половиной тысяч верст цепь казачьих станиц, в которых расселил не только казаков, но и своей волей освобожденных каторжников и ссыльных.

Деспот и тиран, в чем его особенно яростно обличал ссыльный декабрист Д. И. Завалишин, он, тем не менее, еще в 1846 году, за пятнадцать лет до отмены крепостного права, подал Николаю I записку с предложением освободить крестьян от крепостной зависимости, а когда в его распоряжение сослан был опаснейший государственный преступник Михаил Бакунин, создал ему прекрасные условия для жизни, которыми тот и воспользовался, чтобы бежать из Сибири в Америку. Муравьева тут же отозвали в Петербург.

Хотя и крут был Муравьев, но все же из числа преобразователей. А до него Сибирь страдала от произвола ее губернаторов долгие годы, начиная с князя Матвея Гагарина, казненного за злоупотребления властью и казнокрадство, и кончая предшественником Михаила Сперанского генералом И. И. Пестелем (между прочим, отцом повешенного в 1825 году декабриста Павла Пестеля).

Генерал- губернатор Сперанский был первым реформатором в Сибири в 1819-1821 годах, вселившим надежды на обновление ее управления. С надеждой на возрождение «духа Сперанского» и ехал в Сибирь Кропоткин, определяя свою главную задачу: «Быть полезным...»

Едва устроившись в гостинице, он идет доложить о своем прибытии и попадает на большой прием, который устраивает нынешний губернатор Сибири Михаил Семенович Корсаков. Генерал очень прост, демократичен, одинаково любезен со всеми и не подтверждает традиционно сложившееся в России представление о самовольном и грозном «губернском хозяине». А вот в добровольный приезд выпускника Пажеского корпуса в Сибирь не поверил, хотя не стал допытываться, что да как - не его это дело...

Начинал Корсаков службу в Сибири чиновником особых поручений при Муравьеве четырнадцать лет назад. В 1849 году встречал судно Геннадия Невельского «Байкал», впервые прошедшее в устье Амура. Оттуда тысячу двести верст верхом проскакал за двенадцать дней. И на Камчатке побывал - основал там Петропавловский порт в Авачинской бухте. Корсаков продолжил дела, начатые Муравьевым; поощрял развитие земледелия на Амуре, организовал постоянное пароходное сообщение, закончил строительство телеграфной линии от Петербурга в Иркутск. «В 1862 году высшая сибирская администрация была гораздо более просвещенной..., чем администрация любой губернии в

Европейской России», - к такому выводу пришел Кропоткин.

В Сибири дела гражданские вершили офицеры: на них лежало множество обязанностей, по сути, чиновничьих. Им приходилось постоянно быть в разъездах по необъятной губернии, а «фрунтовой службы» не было вовсе.

Девятнадцатилетнему юноше все это было по душе. Здесь вольно дышится. Еще бы - даже в гостиной губернатора свободно обсуждаются крамольные статьи Герцена, критикуется политика правительства и высмеиваются разного рода слабости членов августейшей семьи, включая самого императора.

Петр Кропоткин приехал в Сибирь через год после того, как оттуда, из ссылки, совершил побег Михаил Бакунин. О нем было известно, что он дворянин и офицер, лишенный всех дворянских привилегий за антиправительственную пропаганду за границей. Участвовал в баррикадных боях в Дрездене в 1849 году, за что был приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением, но через два года передан русским властям. Семь лет провел в одиночной камере Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. Там написал для Николая I ложно-покаянную «Исповедь»; прочтя ее, царь заменил тюрьму вечной ссылкой в Сибирь. И вот на пятом году сибирской жизни Бакунину удалось незамеченным сесть в Николаевске на американский пароход... Официальный Петербург терялся в догадках, почему побег оказался возможным. Разговоров было много...

Главное, что и Муравьев, и Корсаков покровительствовали бунтарю, увлекшему их проектом отделения Сибири от России, с образованием своего рода сибирских «соединенных штатов».

Пройдет десять лет, и Кропоткин назовет себя приверженцем Бакунина, а затем в мировом революционном движении он фактически займет его место как ведущий теоретик анархизма, правда, особого, «кропоткинского» направления. Когда он ехал в Сибирь, то не мог и предполагать такого развития событий. Не рассчитывал, впрочем, он и на то, что из Сибири вернется ученым-естествоиспытателем. Думал лишь об участии в проведении реформ административной системы, о самообразовании, о знакомстве с огромным, богатейшим и неосвоенным краем.

Есаул - по особым поручениям

Быстро пролетели первые три недели в Иркутске. Помощник Корсакова, молодой генерал Болеслав Казимирович Кукель, занимавший пост военного начальника штаба казачьего войска и губернатора Забайкальской области, собирался возвращаться в свою «вотчину», в ситу, и предложил ехать с ним Кропоткину, которому предстояло служить в штабе. Звание он получил - есаул, а должность - чиновник по особым поручениям.

Выехали из Иркутска вечером. На берегу Байкала предстояло переночевать, чтобы утром сесть на пароход. Уже стемнело, когда подъехали к Байкалу, но видно было, что горы вплотную подошли к воде, оставив лишь узкую полоску берега, усыпанного галькой. Горы сплошь покрыты лесом, сбросившим по осени листву, и прорезаны узкими крутосклонными

долинами.

Утро открыло великолепный вид: только что выглянувшее солнце окрасило в нежный розовый цвет туман, окутавший горы. На вершинах ослепительно блестел снег, тоже розоватый в лучах невысокого солнца.

...Когда пароход отошел, стало видно, насколько прозрачна вода озера - дно просвечивало, хотя глубина сразу же резко возрастала. Байкал на удивление был спокоен, и трудно было поверить, что еще накануне он неистово бушевал, а вышедший на сутки раньше пароход должен был прятаться в бухте, за утесами.

Через семь с половиной часов высадились на восточном берегу озера, откуда предстоял путь в Читу через широкую Братскую степь по ровной дороге, ярко освещенной солнцем, сияющим в безоблачном небе.

Областная Чита едва ли была похожа на город, но Кропоткин узнал, что еще до 1851 года здесь, в широкой степи, при слиянии рек Читы и Ингоды, была лишь деревушка, состоявшая из нескольких двориков. Пока Кропоткин не подыскал себе квартиру, Кукель предложил ему поселиться в своем доме. Они быстро стали друзьями, и Петр, как более молодой, оказался под сильным влиянием незаурядной личности Кукеля. «Я попал в славное семейство», - писал он в дневнике.

Новому офицеру штаба было поручено сделать описание открывшейся в день его приезда первой Забайкальской выставки промышленных и сельскохозяйственных товаров - очень важного в жизни края события. Описание было отпечатано в Чите отдельной брошюрой. Ее Кропоткин отправил в Петербург, в Русское Географическое общество, где таким образом впервые о нем узнали.

Однажды осенью Кукель вызвал к себе Кропоткина и показал циркуляр из Министерства внутренних дел, в котором просили собрать всевозможные сведения о положении тюрем, сообщив мнение относительно необходимости реформ... «Вы знаете, какая масса дел у нас на руках,- обратился к нему Кукель,- и за эту работу положительно некому взяться. Горное ведомство, которое заведует каторжными тюрьмами Нерчинского округа, совсем не отвечает на наши запросы. Не возьметесь ли вы за это?»

Кропоткин пытался было отказаться, ссылаясь на молодость и полное незнакомство с «предметом сим», не предполагая, что знакомство состоится, но Кукель настоял, обещая помощь опытных людей.

Уже из разговоров с чиновниками горного ведомства в Чите стало ясно, что произвол и деспотизм начальников нерчинских каторжных тюрем не имеют пределов. В этом представилась возможность убедиться: эпидемии цинги каждый год уносят сотни арестантов; тюремные здания - сырые, холодные, набиты заключенными сверх меры; людей держат на голодном пайке, а работать заставляют из последних сил. Кропоткин посетил несколько этапов - многомесячный путь пешком из Перми в Забайкалье тысяч мужчин и женщин, часто с детьми, представился ему невыносимым издевательством над человеком. В силе оставался указ Николая I от 1845 года, согласно которому арестантов можно было

наказывать плетью от пяти до шести тысяч ударов, а также приковывать к тачке на срок от одного до трех лет. Только через год, в апреле 1863 года, были официально отменены публичные наказания кнутом и клеймение преступников.

Население Забайкалья часто страдало от произвола местных начальников. Когда Кукелю стало известно о невероятном беззаконии, творимом заседателем Верхнеудинского земского суда, было решено отправить Кропоткина для расследования. Приехав в Верхнеудинск, Кропоткин обнаружил, что ретивый заседатель, возомнивший себя властелином края, грабил крестьян. Под розги попадал любой неугоден. Заседатель держал без срока в остроге тех из привлеченных по уголовным делам, кто отказывался дать ему взятку. У этого самодура и взяточника были всемогущие покровители и в Иркутске и даже в Петербурге, поэтому Кукелю справиться с ним было непросто. Требовалось собрать убедительные факты о его произволе. Этим и занялся Кропоткин. Две недели он прожил среди крестьян. Запуганные, они не сразу шли на откровенные разговоры. Но молодому общительному бородачу удалось заслужить их доверие - собранные Кропоткиным материалы оказались убийственными для зарвавшегося чиновника, и он принужден был подать в отставку. Правда, через несколько месяцев в Чите с возмущением узнали, что вскоре его назначили исправником на Камчатку, где возможностей «развернуться» было еще больше, чем в Забайкалье. Все же выдворение его из Сибири в 1862 году было первой своего рода политической победой Кропоткина, убежденного, что на всех ответственных должностях должны стоять люди честные и преданные своему делу.

Осенью 1862 года в Чите все ждали известий о том, что в Петербурге будет объявлена конституция, проекты которой давно разрабатывались специальной комиссией, учрежденной Александром II. И хотя до сибирских городов новости доходили с опозданием на полтора, а то и два месяца, к концу октября, когда пришли столичные газеты от начала сентября, в которых о конституции не было ни слова, стало понятно, что обмануты даже самые умеренные ожидания. Сибирь далеко от столицы, и начатая Кукелем деятельность по созданию проектов реформ продолжалась, когда в центре все уже прекратилось. Вместе с помощником забайкальского губернатора полковником К. Н. Педашенко, адъютантом военного округа А. Л. Шанявским) основавшим впоследствии народный университет в Москве (и страстным патриотом Сибири Н. М. Ядринцевым Кропоткин активно работал над проектами реформ тюрем, системы ссылки и городского самоуправления.

Кукель верил в конечную победу справедливости: правительство вернется к реформам. «Мы живем в великую эпоху: работайте, милый друг», - говорил он Кропоткину.

Очень полезными для Кропоткина оказались беседы с декабристами Завалишиным и Горбачевским. Довелось познакомиться и с «новой волной» политических ссыльных. Вторая командировка по поручению Кукеля была связана с отбывавшим каторжные работы за составление прокламации «К молодому поколению» Михаилом Михайловым, революционным поэтом и публицистом. В 1861 году он был приговорен к шести годам каторги, и сослан на рудники, близ Нерчинского завода. Забайкальские власти разрешили очень слабому здоровью Михайлову оставаться в тюремном госпитале, а Кукель позволил ему жить у брата, горного инженера. Но в столицу полетел донос, и в Читу прибыл для расследования жандармский генерал. Его решили ненадолго задержать в Чите, соблазнив

удачами в карточной игре, пока Кропоткин съездил к Михайлову и предупредил его о необходимости на время вернуться в тюремный госпиталь. Все было сделано наилучшим образом, никаких репрессий не последовало, и жизнь Михайлова хоть на какой-то срок была продлена; он умер от чахотки в августе 1865 года.

Для Кукеля подобное благодеяние не прошло даром: в столицу было отправлено тайное донесение. И вот самым важным в почте, поступившей в феврале 1863 года, оказалось письмо Кукелю, предписывавшее ему сдать дела и немедленно ехать в Иркутск и дальше - в Петербург.

«Восхитительная личность», - записал о Кукеле в своем дневнике Кропоткин. Рядом с ним можно было жить и плодотворно работать, надеяться на перемены к лучшему. Но восторжествовал донос - велика его сила в самодержавной стране.

С отъездом Кукеля разрушилась та атмосфера «вольнодумства», формированию которой несомненно содействовал и он сам, и выписываемый им из Лондона «Колокол», и две иркутские библиотеки: Вагина и Шестунова. В вагинской библиотеке действовал настоящий оппозиционный клуб, где собирались, чтобы обсудить прочитанное, выписывал Вагин до полусотни разнообразных журналов и газет. Но, видно, всему приходит конец.

Провожать Болеслава Кукеля собралось почти все читинское общество. Проехали до первой станции, за сорок верст. Возвращались грустные, зная, что губернатором будет человек далеко не либеральный и карьерист. Выработанные в спорах и многомесячном труде проекты реформ отправили в Петербург и больше ничего о них не слышали. Да это и понятно: в 1863 году произошло восстание в Царстве Польском, газеты были переполнены сообщениями о «польском деле», о жестокостях подавления «мятежа». Какие уж тут реформы...

18 февраля брат Александр написал из Москвы: «Как хорошо, что ты в Сибирь вышел... Осталось бы тебе либо самому убить себя, либо попросить, чтобы тебя расстреляли» - вся гвардия была послана на усмирение восставшей Польши. Александр, тяжело переживая это событие, думает о том, чтобы самом отправиться в Сибирь, просит брата подыскать ему место. Петр с радостью поддерживает - зовет приехать летом. А сам убеждается, что без Кукеля нечего ему делать в Чите и возвращается в Иркутск, чтобы весной принять участие в ежегодном сплаве барж с продовольствием для казачьих страниц на Нижнем Амуре.

С весны 1863 года юный Кропоткин начинает путешествия по Восточной Сибири и Дальнему Востоку. А зимой, в начале года, он сильно увлекся самодеятельным театром: играет в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись», в водевиле «Любовный напиток» и в других спектаклях. И настолько удачно, что в письмах к брату он задается вопросом, не избрать ли артистическую карьеру? Александр категорически возражает, считая, что «актерство убивает истинное чувство». На это Петр отвечает: «Разве актер не так же точно творит, как и сам писатель?»

Да, именно потребность в творчестве заставила его принять активное участие в составлении проектов реформ, а затем отдаться актерскому искусству. В то же время

Кропоткин не оставляет мыслей о занятии наукой, жалеет о том, что уходит время, а он так и не получил систематического образования. «Математика меня особенно интересует не сухою стороной, а живую в теориях, в приложениях к той науке, которая не переставала меня интересовать - астрономии», - читаем мы в одном из писем к брату. И тут же звучит почти отчаяние: «Мой прежний идеал- серьезные научные занятия - приходится разбить на мелкие осколки...»

«Осколки» склеила сибирская природа. Именно она становится источником его научного творчества: «Какая прелесть жить среди девственной тайги, никем не тронутой природы! Сознать, что... до тебя здесь не было цивилизованного человека, что ты первый пришел сюда и, забираясь в самые глухие дебри, на клочках бумаги рисуешь карту этой неизвестной местности и как бы приобщаешь ее к культурному миру». Неожиданно для себя он оказался обладателем тех качеств, которые необходимы исследователю: наблюдательности и, что особенно важно, способности находить связи между явлениями природы, создающими то единство в многообразии, о котором писал Гумбольдт. «Сказать по правде, - признается он брату, - если мне и придется оставить Сибирь, то сделаю это я не без сожаления - страна хорошая и народ хороший».

Волны Амура.

Очень кстати оказалась представившаяся возможность участвовать в амурском сплаве. Баржи с продовольствием каждый год сплавлялись вниз по течению Амура. Дело в том, что казачьим семьям, расселенным вдоль великой реки, предписано было сеять то же, что сеяли в России. Но амурский климат требовал к себе особого подхода. И на первых порах очень нелегко пришлось крестьянам в низовьях Амура. Весенние сплавы выручали их: ими доставляли продовольствие, которым казаки сами себя полностью обеспечить не могли.

Удача сплава в значительной мере зависела от погоды. Весна 1863 года выдалась на редкость дождливой. А в июне Кропоткин отправился вниз по Амуру с караваном барж помощником начальника сплава майора Малиновского. Даже неделя сплошных дождей имела для амурских новоселов-хлебопашцев самые неприятные последствия. Героических усилий требовала подготовка пашни. Да и можно ли назвать пашней клочок земли между пнями, который вскапывали лопатами? А селились охотно, прельщенные обещаниями освобождения на шестнадцать лет от податей и на шесть - от рекрутчины.

Путь в низовья Амура начинался на Шилке, в Сретенской гавани, где строились баржи. Утром 17 июня миновали селение Бликин, где форма гор наводит Кропоткина (пожалуй, впервые в Сибири) на мысль о воздействии на них древних ледников: склоны долины срезаны почти вертикально, отчего она становится похожей на корыто. А дальше, ближе к Сретенску, пошли пейзажи, напоминающие южнорусские степи...

Самая первая попытка сплава оказалась неудачной: дала течь баржа, на которую было погружено около пяти тысяч пудов соли. Кропоткин решил было, что не его это дело - сплав. Но вскоре все же пришлось снова этим заняться: ему приказано было снарядить в Сретенске баржу с мукой и догнать караван, ушедший вперед.

На барже - команда из десяти человек. Благополучно прошли самое опасное на Шилке место - устье реки Черной, отмеченное подводной скалой: в это лето вода стояла высоко. Но тут же, попав на песчаную косу, баржа села на мель. Пришлось ее разгружать, вычерпывать воду, а потом грузить вновь.

Нужно было догнать основной караван. Кропоткин взял почту, сумку с деньгами и отправился с тремя гребцами в крытой почтовой лодке. Гребцы - из бывших штрафников, которых Муравьев распределил по казачьим семьям «сынками» (это еще одно его «мероприятие» по созданию земледельческого населения в Приамурье). Большая часть «сынков» не прижилась в семьях; они скитались по городам и станицам, занимаясь случайной работой, не брезгуя и грабежами. Первоначально не без опаски поглядывал на своих гребцов Кропоткин, не спал ночами, сидя на руле. Но постепенно убедился, что у прогнанных сквозь строй бездомных бродяг не возникает даже и мысли о грабеже, что можно бы отобрать у безоружного офицера его почтовую сумку, а самого сбросить в воду...

Вот горы отодвинулись от берегов, растворились в дымке. Амур вышел на равнину. По обеим его сторонам, за рядами лозняка - широкое приволье заливных лугов. Одна за другой попадаются на пути станицы: Покровская, Свербеева; древний городок Албазин с деревянной церквушкой и почтой, известный по кровавым столкновениям казаков с даурами. Все станицы строятся вблизи леса, с краю прибрежных сосняков, каждая образована рядами небольших, в два окошка домиков...

«Горы словно ступеньками, отходят вдаль; они придут потом, но уже не такие высокие, не такие крутые, не будут спирать реки в узенький проход между утесами и камнями; трава гуще и выше, больше лозняка, больше сорных трав, высоких, густых; приволье видно... Вот станица, на вид недурна, видно, что жильё заселяется. Народ выходит на берег, казаки в кучке посиживают у магазина...»

Утром 14 июля пришли в Албазин: «Ниже по Амуру - станица за станицей, луга и пашни, кое-где рубят лес и сплавляют в Благовещенск. А Амур все шире и шире, уже версты две в ширину, а то и больше... По обеим сторонам могучего водного потока идут богатейшие луга, прерываемые лесистыми сопками, и нет дороги иной, как по Амуру, а дорога по Амуру очень непостоянная, - она хороша в большую воду, а случается, что пароходное сообщение прекращается в июле, тогда уж худо: тянутся на лодках вверх; груза уже доставлять невозможно».

В будущем году он отправится в Китай, чтобы найти срезающий излучину Амурского пути.

Через четыре дня - Благовещенск, а за ним начался нескончаемый дождь, сопровождаемый холодным встречным ветром. Пять дней до Хабаровки, мимо огромных, богатых станиц Екатерино-Никольской, Михайло-Семеновской, Иннокентьевской, Константиновской - «хорошие пашни, хорошие луга, живут хорошо...»

Наконец, горы. Хребет Большой Хинган: «Амур сперт горами и уже не разливается на десятки протоков, а идет одним узким руслом...»

Пожалуй, именно встреча с Большим Хинганом пробудила в Кропоткине страстное желание заняться исследованием природы Сибири и Дальнего Востока. Вот что он записал тогда в своем дневнике:

«Появление таких высоких гор на протяжении каких-нибудь двухсот верст, после которых начинается тундристая гладь и ширь, действительно замечательно. Расследовать эти горы: направление главной цели, геологическое строение, растительность, вглубь, а не лишь только по берегам Амура, было весьма интересно, и, должно быть, были бы полезные результаты. Наши же ученые не отваживались проникать в глубь Хингана и удивлялись только богатствам, представляемым им по берегам Амура...»

Хабаровка (нынешний Хабаровск. - В. М.) - большое селение с казармами и торговыми заведениями. Купцы застроили своими красивыми домами и лавками целую улицу, которую так и называли - Купеческой. Самый большой дом - фактория Амурской компании. Здесь центр соболиной торговли. «Хабаровка - при устье Уссури, и потому сюда приходит вся уссурийская растительность. Там есть утес над очень крутым изгибом Амура. Утес высокий и замечательный... Вид с него великолепен: волны бьют об утес и шумят внизу, вправо виден Амур огромным прямым плесом, только островки виднеются по краям, влево - Уссури, впадающая в Амур; острова, горы на горизонте, Хабаровка, рассыпавшаяся по горе, почерневшая церковь, баржи на рейде...»

Выехали из Хабаровска в сильный дождь, под завывание ветра: «Такая буря выла, такие были валы, что мы должны были уже уйти в самую речку. У берега обдавало нас постоянным дождем, - это волны бросали такие брызги. Скука, холод, все промокло, сырость доходит до самых костей». И так день, другой, третий...

Баржи должны были уйти вперед, но прошли два дня в быстром плавании под парусом, а река пустынна. Наконец, заметили у крутого берега несколько бревен.

Было очевидно, что баржи погибли во время бури. Ветер непременно должен был пригнать их к крутому берегу, и не избежать им разбиться о скалы. Если погибли сорок барж с грузом в сто двадцать тысяч пудов, то неминуем голод на Нижнем Амуре.

А узнать о судьбе барж ничего нельзя - телеграфа нет еще на Амуре. Между тем нужно, не дожидаясь конца непогоды, что-то предпринять. Кропоткин спешит в Читу сообщить о произошедшем и организовать, пока не закрылась навигация, новый транспорт. Уже, конечно не дойти до низовьев реки, но, может быть, удастся хотя бы сложить продовольствие в верховьях, чтобы спустить вниз весной по первой воде.

Три тысячи верст... Сначала - в лодке с гребцами, которые менялись в деревнях через каждые тридцать верст. Лишь бы до Хабаровска доплыть, а там можно сесть на пароход...

Тайфун не утихал. Особенно опасны были широкие протоки, из которых ветер гнал высокие валы. Против них, казалось, никак не устоять утлой лодчонке. Она взлетала и затем стремительно падала вниз. У крестьян-гребцов лица белели от страха. Но юный кормовой - мальчик лет пятнадцати - искусно лавировал между волнами, которые все же захлестывали лодку. Воду едва успевал вычерпывать молодой чернобородый офицер, так торопившийся,

никак не желавший переждать бурю...

И вот место крушения: разбиты сорок четыре баржи. Попытались спасти груз, но под штормовым ветром это было невозможно. Лишь небольшую часть груза удалось вытащить. Около ста тысяч пудов ушло на дно Амура...

Поплыли дальше. А через несколько дней лодку догнал пароходик. Как выяснилось, несчастный капитан в приступе белой горячки выпрыгнул на днях за борт. Пароход остался без начальства. Матросы и пассажиры, увидев офицера в лодке, да еще с солидной бородой, обрадовались и стали просить его принять капитанство. Пришлось согласиться - кому-то надо стоять на мостике. Кропоткин этот случай приводил потом как пример того, как можно иной раз обойтись и без начальства.

Но пароход движется слишком медленно, и Кропоткин выбирает путь короче: выходит на берег и отправляется верхом по таежной тропе через дикий Газимурский хребет. Это была, по сути, его первая, хотя и очень небольшая таежная экспедиция. Впервые он пересек хребет, поднялся на перевал. Преодолеет триста верст трудного пути.

...И вот Кропоткин уже в Иркутске. Неделю ему дали отдохнуть и отправили с отчетом в столицу.

В Петербурге его ни в чем не винили, но пожелали удостовериться, что баржи в самом деле погибли, а не разворованы. Военный министр Милютин просил высказать свои соображения, как лучше в будущем организовать снабжение Нижнего Амура.

Мнение Кропоткина было неожиданным: «В низовья доставлять провиант лучше морем: из Японии или Америки. И лишь на среднее течение Амура - из Читы на баржах, которые следовало бы отправлять в сопровождении буксирных пароходов». Петербургские чиновники мнение выслушали, но все оставили по-прежнему. А «гонимый» отправился в обратный путь. Зимой дорога проще. И той же «курьерской скоростью» Кропоткин добрался до Иркутска за девятнадцать дней. В среднем - по триста верст в сутки...

Несколько дней провели в Иркутске. И опять - в Читу. На этот раз через Байкал, пароходом из Лиственничной по еще не совсем очистившемуся от льдин озеру в селение Посольское. Расстояние - около ста верст.

Первым владельцем байкальского пароходства, как выяснил Кропоткин, был купец Решетников. Он подарил все свои суда вместе с постройками пристаней казне. Но государству дело показалось невыгодным, и пароходство снова перешло в частные руки. Все купил за 44 тысячи рублей виноторговец Хомиков и организовал через Байкал перевоз почты, импортируемого из Китая чая и арестантов. Каждую неделю к берегу славного моря подходят колонны узников человек по двести, и Хомиков, перевозя их, получает около трех рублей за каждого.

Все это записал к себе в дневник необычайно любознательный казачий есаул...

П. А. Кропоткин.

Из сибирского дневника 1

1 ГАРФ. ф. 1129, оп. 1. ед. хр. 36.

“Особенность Восточной Сибири: большое количество политических преступников. С ними обходятся с замечательным уважением везде. Всюду они приняты, и приняты прекрасно. Муравьев особенно любил их. Но, говорят, Корсаков далеко не тот, трусит, что особенно выказалось на Михайлове. На него сердятся за бегство Бакунина, вот он и боится.

Какую разительную противоположность представляет Енисейская губерния от Западной Сибири! Теперь, напр(имер), я еду по прекрасному шоссе, вырыты везде канавы для стока воды в горах, прочные славные мосты, шоссе на славу...

Теперь расскажу про дорогу от Красноярска до Иркутска. Что за дорога! Великолепнейшее шоссе, особенно по Енисейской губернии. Один клочок, верст более 300, отвратителен в Нижнеудинском округе, - дорога тянется тайгою, которая представляет унылый и жалкий вид: на сотни верст лес выгорел, лежат громадные пни деревьев, обугленные на поверхности, торчат, как мачты, тонкие прямые стволы обгорелых лиственниц, голые, без ветвей, почернелые сверху донизу, краснеют сосенки с почерневшим комлем. И погибли так целые леса после весеннего пожара: вместо красного леса растет уже береза, тоненькая, худенькая и образует местами непроходимую чащу...

Под Красноярском тянулись все горы - грядами видны на горизонте, изредка только высятся отдельные конусообразные вершинки над главным хребтом... За этими горами потянулась тайга на несколько сот верст, прерывающаяся только местами; тут приютилась деревушка, а там опять тайга, однообразная, грустная, дикая, безлюдная... Перед Иркутском опять шоссе, опять горы, но небольшие, рек приходится переезжать очень много, и все очень быстры, быстрее всех Ангара под самым Иркутском. Она, говорят, оригинально замерзает - снизу, т. е. лед тонет. Наконец, 5-го в 2 часа (5 суток от Красноярска) приехал в Иркутск, - почти дома.

Когда я подъезжал к Иркутску, была славная погода, - солнце жарило. Ангара несла с невероятною быстротою свои голубые воды; на другом берегу ее показался Иркутск, забелел дом генерал-губернатора, показался какой-то монастырь, несколько церквей, деревянные домики. Мы проехали Иннокентьевский монастырь...

Иркутск довольно большой город, и в нем можно найти почти все нужное; нужда сделала из него далеко не то, что остальные губернские города. Но он еще многим отличается от других - менее чопорности в обращении у чиновных лиц.

На другой день по приезде я представился Корсакову. Было довольно много народа; я едва не опоздал, не зная, что он принимает всех вместе, впрочем, народа слишком много, чтобы принимать порознь. Он обращается со всеми очень любезно, просто. На другой день я, обедая у него, еще более убедился, что он порядочный человек... например, вот эти слова: «Скажите, Кропоткин, по правде, за что вас сюда назначили?» Я посмотрел прямо в глаза. «Как за что? Меня никто не назначал, я сам записался». - «Нет, что ж, если бы даже и так, то мы очень рады; там этому, может быть, не довольны, если вы либерально поступали и говорили, а здесь мы этому очень рады, напротив, пускай побольше присылают».

Что же до службы, то служба офицеров здесь совсем другая, чем где-либо. Недаром крестьянин зовет офицера чиновником; действительно, здесь на офицере лежит множество гражданских обязанностей, и различие между чиновником и офицером только в мундире. Затем фронтовой службы вовсе нет...

Браво, Иркутск! Какая здесь публичная библиотека! Очень порядочная в журнальном отношении. Здесь получается до 50 журналов и газет русских, польских, французских и немецких. Приходите в комнату и читайте, ничего не платя. Кроме этой публичной, есть еще частная, откуда берутся журналы и книги для чтения; там тоже есть читальная комната, с платою 10 коп. за вход. Тоже народа довольно...

Я еще разузнал про библиотеку Вагина. Оказывается, что там был в свое время просто оппозиционный клуб, из которого исходили разные уличные демонстрации против правительства, не самого Муравьева, а его приближенных. Там, говорят, и теперь собираются не только читать, но и болтать, и собирается всякого рода служащий народ; тут можно, говорят, послушаться многого...

Чем дольше живешь, тем больше убеждаешься в том, что Иркутск далеко ушел от русских губерний. Здесь множество отдельных кружков, которые живут так, как им нравится. Кружки эти очень разнообразны, начиная с картежного, кончая высшим, либеральным вполне, например, около Кукеля.

А Кукель... всегда говорит, например, одну из своих любимых мыслей: «Всякое насилие есть мерзость, давайте свободу»... При Кукеле читается «Колокол», который получается очень исправно, не разрозненными номерами, а всем годом. Встречается ли это в губерниях Европейской

России?

Сегодня утром я был у Завалишина - личность не из обыкновенных - есть много хороших начинаний, неглуп. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении...

Шилка красиво течет между гор, берега живописны, а под Бликином удивительно безобразные горы, все отрогами, срезанными почти вертикально - не ледниками ли давнего времени? Зато за Бликином к Сретенску виды лучше, напоминает Россию, только степная растительность разнообразнее, лилейных побольше. Ирисы торчат из воды и подле воды, очень красиво.

...Амурский широкий, расплылся весь, острова да острова, покрытые то тальником, то мелким леском. Дождь и скверность, команда мокнет, ворчит и напоминает все старые счеты. Некоторые по 3 года не получали ничего из казны, т. е. ни жалованья, ни одежды.

Утром я переехал через Селенгу. Селенга - широкая река, течет в горах; горы круто падают с левого берега к реке, состоят из сланцев, растрескавшихся на большие ромбоэдры; пласты наклонные перемешаны с крупным песчаником, мелким хрящем, потом снова сланцы, темно-дикого или красноватого цвета. Вскрытие ее, как большей части сибирских рек (кроме Ангары), происходит постепенно. Целый плес тронется и начнет его ломать, лед разбрасывает по берегам...

Братская степь тянется, в горах все же снег виден, только меньше, да и вообще после диких гор селенгинских стало как будто теплее. В степи всегда хороша дорога...

Где та польза, которую я мог бы приносить? И что же мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с этим народом, с его жалкою, нищенскою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях, которые терпят христиане в Турции, - боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им - и что же я делаю, чем приношу?...

Из писем к брату Александру

Кама, 3 августа 1862 г.

“Что, брат, сказать про то, каковой показалось мне Сибирь? Обманула! Ведь с детства учат нас про сибирскую тайгу, про тундры, про степи, и мы при слове степи рисуем себе Сахару с ее песками. А тут выходит совсем

наоборот. До Тюмени еще и несколько за Тюменью тянутся безотрадные болота: едешь по гати, а кругом густая, высокая трава, но не суйся в нее - сгинешь, так и втянет в тину. По болоту растет мелкий березняк, пересохший большей частью. А за Тюменью начинается благодать, да какая! - чернозем, какого я никогда еще не видал, тучность почвы такая, что трава растет в поле в аршин вышины, да густая такая, что муравью кажись не пролезть, камыши ли в болоте, - так-таки и видна их сила, рослость. А хлеба, овса такие, какие едва ли в Тамбове родятся. Страна богатая, каждый крестьянин пашет по 25-40 десятин, и какие урожаи! Везде довольство, скота много, корм дешев и человеку также дешево жить. Вот, брат, какова Сибирь!... Дивная страна!...

Я спешу кончить... Амур и льды на горизонте. Прощай.

Томск, 25 августа 1862 г.

“ Что за дивная, богатая страна Сибирь, я еще еду не самым югом. Что же на юге, если и здесь так богато! Вот где со временем образуется самостоятельное государство, кто знает, может быть, на новых началах. Богатейшая страна...

Август 1863 г., около Хабаровска.

“ Плыву я по-прежнему на катере. Спокойно и хорошо, сплавной работы никакой нет, работаю над «своим» да разъезжаю по станицам, чтобы что-нибудь написать про них, это еще отнимает несколько времени. Страшная жара, а вентиляции, как в палатке, так и в комнате, нельзя устроить, а потому иногда до изнеможения доходишь; ночью работать тоже нельзя, комаров боишься, а они летят на огонь... Я написал и сегодня отправил с попавшимся навстречу пароходом - до Благовещенска - письмо второе Леонтьеву о реках Иногде и Шилке, об Амуре пишу, скоро примусь переписывать, но письмо недлинное, три листа. Гершеля кончил только теперь первый том, и тут беда: второй в чемодане, а чемодан на лодке, которая должна была идти с нами, но отстала и пропала без вести, нагонит, пожалуй, не раньше Николаевска, я уже читаю «Kosmos» Губмольдта, 2-й том, да перевожу арифметику Серре. Я взялся за это дело с одним офицером в Чите. Напечатаем через Сеньковского, будет 10 печатных листов. Если удастся, то дело будет очень хорошее, пустим, конечно, по своей цене. Ведь наши арифметики черт знает что за мерзость! У Серре великолепно изложена теория чисел и сокращенные методы над приближенными числами...

Меня очень интересовало бы знать, как, в каком произведении Спиноза говорит, что так как все в мире происходит вследствие вечных законов, что

нечего и винить человека за то, что он поступает так, а не иначе, и поэтому как будто отвергает понятие нравственности. Так. Но отчего нравственный поступок доставляет нам удовольствие? Отчего большинство находит в нем что-то хорошее? Оттого, что так привыкли смотреть? Но откуда явился такой взгляд на нравственный поступок? Мне кажется, оттого, что в нем есть Красота - т. е. простота и стройность в отношении тех законов, вследствие которых он произошел. Отчего же созерцание красивого создания, наслаждение им возбуждает в нас охоту поступать нравственно? Ведь создание-то красиво только вследствие простоты соотношений тех математических законов, по которым оно построено (доказано для архитектуры, музыки, живописи). Я выражаюсь коротко, почти намеками, потому что уверен, что ты поймешь. А то скоро свидимся, потолкуем...

Качка, просто писать нельзя, такая буря, катер так и прыгает себе по волнам, а по Амуру волны большие, вроде морских, платье попадало с вешалок.

Февраль 1864 г.

“ ...Сегодня я получил «Азию» Риттера и пять карт этого края, т. е. ни одного лучшего туда не носило, ходили с Цурухайтуя на Пекин, но прямо на Айгун никто не ходил, и для исследований никто не забрел в этот угол. На картах китайских все нанесено чрезвычайно нелепо и безобразно, так что я не могу составить себе даже приблизительного понятия о том, как пойду, по каким рекам.

Из Цурухайтуя мы выйдем в первых числах мая, для этого мне придется перебраться в Забайкалье по последнему льду на Байкале, т. е. в половине апреля. А потому скоро - прощай, Иркутск.

III. Последний землепроходец

Искатель новых путей

Приятно было вернуться из холодного официального Петербурга в насквозь промороженный, но ставший родным Иркутск. Это был мир, который уже вошел в душу и вытеснил из нее прежний петербургский. Хотелось здесь жить, работать, путешествовать, надеяться на то, что жизнь в Сибири будет строиться все-таки по-иному, нежели в России европейской.

Еще в Петербурге созрело решение заняться исследованием сибирской природы. Он побывал в Географическом обществе, а в Главной физической обсерватории взял приборы для проведения метеорологических наблюдений и топографической съемки - термометры, барометры, буссоль; привез с собой, хотя этого ему никто не поручал.

Он добросовестно готовится к путешествию, изучая гербарий, собранный на Амуре русским географом Ричардом Мааком за 20 лет до него, коллекции горных пород Иркутского музея, отчеты Сибирской академической экспедиции. Большую помощь ему оказал полковник А. Х. Фитингоф, хорошо разбиравшийся в горных породах. Через много лет, в 1919 году Кропоткин вспомнит добрым словом этого пожилого скромного офицера, которому обязан был первыми знаниями по геологии, так пригодившимися вскоре. И еще Кропоткин встретился в Иркутске с опытным петербургским геологом Федором Богдановичем Шмидтом, немецким географом Рудольфом Бастианом, совершавшим кругосветное путешествие, в котором он собирал материал для своей книги «Человек в истории», а потом и с американским геологом итальянского происхождения Рафаэлем Пумпелли. По его совету Кропоткин послал в итальянский географический журнал заметку о Байкальском землетрясении 1862 года. Это была первая зарубежная публикация Кропоткина. Вслед за ней он поместил статью о наблюдении полярных сияний на Байкале в английском журнале «Nature»; позже появится публикация в немецком научном журнале. Таким образом, еще в 60-х годах Европа узнала о Кропоткине-географе.

По приезде в Иркутск Петр Алексеевич был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири. Вскоре Сибирский отдел Русского географического общества, созданный под покровительством Кукеля, избрал его действительным членом.

И вот ему дано первое серьезное поручение - организовать экспедицию в Маньчжурию. Ее цель секретная: разведать кратчайший путь между Забайкальем и Благовещенском через китайскую территорию; «срезать» излучину Амура, благодаря которой расстояние

удлиняется не менее чем на шестьсот верст. Быть может, удастся потом договориться о строительстве дороги совместного русско-китайского пользования - так решило начальство, обеспокоенное тем, что скот, закупаемый у маньчжур для Благовещенска (до двух тысяч голов ежегодно) очень дорого обходится. Его выгоднее во всех отношениях приобретать у своих же казаков на юго-восточной границе Забайкалья. Удобная дорога для перегона скота через Маньчжурию позволит сэкономить казне около тридцати пяти тысяч серебром в год.

Из казаков-охотников был составлен торговый караван, а предводителем его назначен есаул князь Кропоткин, отправляющийся в путь под именем купца Петра Алексеева. Кропоткин не без удовольствия согласился сыграть роль купца теперь уже не в пьесе Островского, а в жизни.

«...Я поспешил воспользоваться таким прекрасным случаем ознакомиться с этим уголком земного шара, где не была еще нога европейца...», - вспоминал он впоследствии

Через Большой Хиган

Очень скоро холмистая степь по берегам притока Аргуни - реки Ган сменилась заросшими лесом предгорьями, и верст через сто путники вышли на дорогу к городу Мергену. Тут караван вступил в центральную часть горного массива Большой Хинган, ограниченного с востока пустыней Гоби. По мере подъема все более зелеными становились пади, по которым бежали ручьи в реки Малый и Большой Хайлар, образующие Аргунь. Кругом - тишина: ни людей, ни зверей. Место дикое, сумрачное. Но в общем-то, болота не такие топкие как в Тобольской губернии, - под заболоченным слоем кони находят твердую почву из песка и гальки.

Потом спуск, приведший в ущелье, в котором разместился ороchonский табор и остановились передохнуть солдаты-дауры, шедшие на границу. После короткого отдыха пошли веселее. Да и ландшафт резко изменился: «Исчез уже дикий характер гор западного склона: лиственница, сохраняясь еще на северных скатах гор, на южных уже уступала место более легкой, изящной зелени дубков, черной березы и орешника. Сперва деревья эти слабо заявляли свои права, появляясь кустарниками на солнцепеке, а потом уже заняли все скаты гор, оставляя только берега речек тальниковым, ивовым и тополевым кустарникам» 1.

1 Кропоткин П. А. Дневник. - М. - Пг., 1923. - С. 26.

Удивительно было, почему эти благостные земли не использованы даурами для земледелия. Ответ дала сама природа. В начале июня перед самым восходом солнца хватил мороз. Все-таки горы...

Поднявшись на высокую пологую возвышенность, Кропоткин отобрал образцы вулканических пород, ранее не известных в этом районе. Здесь, на западном склоне лесистого хребта Ильхури-Алинь, обнаружались несомненные признаки вулканических извержений. Он увидел отчетливо выраженный вулканический конус, вокруг которого были разбросаны куски лавы. Во всей Восточной Азии пока еще никто не находил потухших

вулканов, и сам Гумбольдт, большой поклонник вулканизма, уверенно отрицал его в этой части Азии.

Почти десять лет назад немецкий географ просил Семенова (в будущем Тянь-Шанского) привезти с Тянь-Шаня образцы вулканических пород. Семенов не смог исполнить эту просьбу: вулканов там не оказалось. Кропоткин же отобрал в Маньчжурии более сотни геологических образцов. Сделано важное географическое открытие.

Через несколько дней стали попадаться одна за другой маньчжурские деревеньки. Это уже бассейн Амура.

Наконец из-за тальника блеснула река Нонни, приток Сунгари, с чистой, прозрачной водой. Доплыли до города Мергена. А там пологий, плоский берег весь заполнен народом, высыпавшим посмотреть на бородатых белолицых пришельцев с севера.

Необычайно живописной была эта толпа встречающих. От нее отделилась лодка, в которой прибыл чиновник, пригласивший купца Алексеева к китайскому амбаню (управителю) этого населенного в основном маньчжурами города. Встреча с ним произошла, правда, лишь на следующий день - он сам пришел в лагерь русских и милостиво разрешил торговлю. Она завязалась на всех углах Мергена, размерами с небольшой российской уездный городок.

Результаты были не так уж блестящи - все-таки заочно было трудно учесть все потребности мергенцев (откуда их было знать?). Но цель ведь не в этом. На другой же день под покровом темноты караван покинул Мерген, направившись по почтовому тракту на восток, к городу Айгун, расположившемуся на берегу Амура.

В результате похода удобная трасса для скотопрогонной дороги была найдена. Дорога будет проложена значительно позже, в конце века; маршрут Кропоткина используют при строительстве Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). А потом, в 1945 году, по его пути пройдут советские войска, преследуя отступающую Квантунскую армию.

Географическое общество России присудило молодому исследователю Дальнего Востока за хинганский поход - первую, по сути, его экспедицию - Малую золотую медаль. И в отчетном докладе на годовом собрании Географического общества в Петербурге его глава П. П. Семенов высоко оценил экспедицию, назвав ее «героической».

«Теперь дорога проложена; остается только пожелать, чтобы по ней ходили каждый год: тогда можно будет надеяться, что дорога всего в 650 верст до Цурухайтуя от Благовещенска, которую мы с обозом и табуном прошли в 16 дней без труда, - чтобы эта дорога, говорю я, не заглохла, а всегда была доступна...» ¹

¹ Там же.

Вверх по Сунгари - в Китай

Когда в начале августа 1864 года брат Александр, наконец, приехал в Иркутск, Петра в городе не было. Он получил назначение в экспедицию, организованную генерал-губернатором М. С. Корсаковым на пароходе «Уссури» с целью исследования возможности судоходства по реке Сунгари и использования ее как торгового пути.

С тех пор, как Петр принял самостоятельное решение и отправился на восток, невзирая на отговоры абсолютно всех, даже самого близкого ему человека - брата Саши, он стал быстро меняться - взрослел, становился более уверенным, независимым. У него была цель. Она его окрыляла.

Иное дело Александр. Совсем недавно еще наставлявший брата, он жалуется теперь: «Я до того далеко отстаю от идеала, который живет во мне, что больно... Бессилие мешает мне даже стать просто порядочным человеком, трудовым человеком на личную пользу».

Братья как бы меняются местами. Теперь Петр успокаивает Сашу: «Ты смотришь на себя неверно... ты честная, благородная душа, что бы ты там ни толковал... Знаешь ли ты, сколько раз ты будил меня этим, знаешь ли ты, что ты меня плакать заставлял, заставлял оглядываться на самого себя? Что ты меня делал лучше!...»

Петр особенно настойчиво зовет брата приехать в Иркутск как можно быстрее. Но он медлит, ссылаясь то на отсутствие денег на дорогу (отец упорно отказывает в помощи), то на работу над большим философским трактатом «Бог перед судом разума». Александр Кропоткин задумал его как научное обоснование атеизма, включив в это сочинение главу поистине всеобъемлющую: «Общее описание мира». Одновременно он заканчивает под влиянием только что появившейся книги Дарвина большую рукопись «О происхождении видов» и посылает ее Петру.

Когда Александр прибыл в Иркутск, ему представилась возможность познакомиться с Сибирью в лучшее время года, летом. Но все же она его не очаровала так, как Петра два года назад. В дневнике он отметил: «Да, неприветлива Сибирь. Здесь невозможен комфорт (в благородном, цивилизованном смысле этого слова)». Александр с иронией воспринял Иркутск и его музей, в котором с таким удовольствием работал Петр. Они встретятся позже, а сейчас Петр плывет по реке Сунгари, крупнейшему притоку Амура...

Прямая цель этого рейса - дипломатическая: нужно отвезти дружеское послание генерал-губернатору провинции Гирин с целью налаживания добрососедских отношений и оживления приграничной торговли. Дипломатическую миссию выполнял ургинский консул, а сопровождавшие его лица - председатель Сибирского отдела географического общества Арсений Федорович Усольцев, два топографа, доктор А. Н. Конради и Петр Кропоткин в качестве историографа - должны были заняться исследованием реки, протекавшей в краях, совсем еще неизвестных. Надо было нанести ее на карту и провести обычный в те времена комплекс исследований: собрать образцы горных пород, гербарий, выполнить метеорологические наблюдения.

Нащупать фарватер на «нехоженой» реке было не так просто, и много раз небольшой пароход буквально «царапал дно», продвигаясь чрезвычайно медленно. Только после

слияния с притоком Нонни река стала полноводнее. Через несколько недель на рейде Гирина был брошен якорь. Маньчжурские власти, однако, отнеслись с подозрением к визиту из соседней страны переодетых, как они догадались, военных.

Укрепление дружеских связей, пожалуй, так и не было бы достигнуто, не случись неожиданное: разворачиваясь, чтобы идти обратно, пароход сел на мель. Власти, опасавшиеся, как бы русские не остались зимовать, прислали на помощь команду в двести человек. Китайцы залезли в воду и приготовились объединить свои мускулистые силы, чтобы освободить плененный корабль. Вдруг один из русских - им был Кропоткин - тоже соскочил в воду, схватил багор и сильным красивым голосом затянул «Дубинушку». Китайцам это необыкновенно понравилось. Все дружно взялись за дело и быстро сдвинули с мели проход. Совместный труд под пение «Дубинушки» сделал то, чего не достигло официальное послание. С простым народом были установлены самые теплые отношения. Это был опыт «народной дипломатии» - в обход бюрократии. Такими же дружескими встречами сопровождался весь обратный путь парохода.

Поход был закончен, и 18 января 1865 года Кропоткин доложил о его результатах на заседании Сибирского отдела РГО, думая уже о новой экспедиции.

В Саяны

В начале 1865 года в Иркутск пришел очередной номер петербургского журнала «Северная пчела». Прошлогодний, но для иркутян - свежий. И все обратили внимание на заметку о грандиозном водопаде на сибирской реке Оке, который, впрочем, сам автор статьи не видел, но предполагал, что это самый большой в мире водопад: вода падает со скалы высотой сто сажень.

На одном из заседаний Сибирского отдела Географического общества порешили отправить в Саяны, в Тункинскую котловину, небольшую экспедицию во главе с Кропоткиным: узнать, существует ли сей водопад, измерить высоту падения воды в нем, составить подробное описание, а заодно осмотреть и сделать точные рисунки древних надписей на береговых скалах над Окой, которые видел там сотрудник Сибирского отдела РГО.

В этих краях уже побывал англичанин Томас Аткинсон, архитектор и живописец, построивший знаменитую готическую церковь в Манчестере. В Англии вышли две его книги о Сибири, но о гигантском водопаде в них - ни слова.

Отдел отпустил на поход около 100 рублей. Предполагалось, что поездка займет месяца полтора, но все были уверены, что наблюдательному Кропоткину этого времени хватит для того, чтобы увидеть немало нового и интересного. Не сомневался и сам путешественник, окрыленный успехом маньчжурской экспедиции.

И вот в путь! К Байкалу, а потом на юг. И с первого же дня - внимание ко всему, что встречается на пути, будь то горные породы, деревни и их жители, занимающиеся в Прибайкалье хлебопашеством, сбытом пеньки и лесосплавом. В непроходимых

лиственничных лесах, покрывающих заваленные камнями довольно плоские вершины гор, по долинам ручьев и у берега Байкала в середине мая еще цветет багульник; здесь прохладней, чем в Иркутске - с гор и с Байкала постоянно дует холодный ветер.

Болотистая падь приводит к небольшому хребту, за ним - ручей Ильчи, на который стоит обратить особое внимание. Здесь побывал географ Меглицкий и предположил, что именно в верховьях реки Иркут был некогда исток Ангары, вытекающей ныне из Байкала.

Но у Кропоткина, внимательно всматривающегося в окружающий ландшафт, хранящий тайны далекого прошлого, возник вопрос: а не впадала ли река Иркут гораздо раньше, чем образовался исток Ангары из Байкала, прямо в озеро? Уже потом Иркут промыл себе русло в ущелье Ильчи, «отвернулся» от Байкала и стал впадать в Ангару - город Иркутск как раз расположился в месте слияния двух рек.

Очень странным, неестественным показался излом теперешнего Иркуты у впадения в него ручья Ильчи. Распределение пород в речных долинах и их высотное положение тоже заставляет усомниться в том, что Иркут был истоком Ангары. Кропоткин сделал, наконец, свое предположение, которое будет подтверждено только через много лет: Иркут действительно некогда впадал в Байкал и не был истоком Ангары.

За Иркутом, через который переправили экспедицию буряты, расположилась Тункинская котловина, окруженная цепью овальных холмов. В одном из них - подобие вулканического кратера. Кропоткин спустился по веревке в кратер-пещеру с ледяным полом. Во льду - изобилие газовых пузырьков. Итак, снова вулкан. В том районе, где его, по представлениям геологов, быть не должно. Несколько десятилетий спустя этот вулканический конус в Саянах получил имя Кропоткина.

Все беднее и беднее становится растительность вверх по Иркуту, и с заснеженного перевала открывается высочайшая в этих горах вершина Мунку-Сардык. Кропоткин измерил на ее склоне высоту снеговой линии. В Саянах этот важный показатель был получен впервые.

Как жаль, что нет времени как следует поработать в верховьях Иркуты! Геолог, который придет сюда специально и потратит несколько месяцев на изучение этих мест, обнаружит много любопытного.

Выйдя на водораздел между Иркутом и Окой, образованный куполовидным горным массивом Нуху-Дабан, будущий создатель ледниковой теории впервые встретился с до блеска отполированными скалами, изрезанными параллельными царапинами. И тогда возникла мысль, которая не будет оставлять его долгие годы: не следы ли это некогда двигавшихся по здешним долинам ледников, исчезнувших несколько тысячелетий назад?

На Кропоткина большое впечатление произвела книга английского физика Дж. Тиндаля «Альпийские ледники», только что появившаяся на русском языке. В ней речь шла о том, что горные ледники когда-то были длиннее, выходили на равнины. Слышал он и о швейцарском ихтиологе Аггасице, увлекшимся альпийскими ледниками. Находя валуны из горных пород далеко на равнине, он предположил, что льды занимали в прошлом громадные

пространства низменностей. С ним не соглашались многие авторитеты в геологии и географии. Знаменитый английский геолог Чарлз Лайель считал, например, что валуны разнесены на большие расстояния плававшими в обширном холодном море льдинами. Это - «дрифтовая» гипотеза. Кропоткину она казалась сомнительной.

Гораздо легче было бы разобраться во всем этом, если бы довелось увидеть хоть один настоящий современный ледник, из тех, о существовании которых рассказывали в Географическом обществе в Петербурге Петр Семенов и Николай Северцов, путешествовавшие в горах Туркестана. Там, на Тянь-Шане, определенно было замечено, что в прошлом уровень снеговой границы понижался. Наверное, и в Саянах можно установить то же. Но нет времени на экскурсию к далекому Мунку-Сардыку, со склонов которого спускаются ледники.

На водоразделе, за полосой горной тундры - страна альпийских озер. Похоже, что уровень воды в них значительно понизился со времени их образования, и они продолжают высыхать. Не общее ли это явление для Центральной Азии, а может быть, и для всего северного полушария? И эта мысль, впервые возникшая в саянской экспедиции, будет развита Кропоткиным в последующих его работах.

На вершине гольца Бутогол расположился Алиберов графитовый прииск. Как раз в год рождения Кропоткина, в 1842-м, крестьянин Кобелев добыл там и доставил на Иркутский солеваренный завод тридцать пудов графита, который был смешан с известняком и песком, и на Тельминской фабрике его признали негодным для производства огнеупорных горшков. Но француз Алибер, понимавший, что графит незаменим для карандашей, купил прииск за триста рублей и в 1847 году начал его оборудовать по всем правилам. Суровые природные условия победили французского предпринимателя, и вот теперь, через 18 лет, Кропоткин нашел прииск совсем заброшенным.

Впрочем, для него предприятие Алибера оказалось бесполезным. Метеостанция, устроенная на вершине гольца при строительстве прииска, получила ценные сведения о температуре воздуха и направлении ветра на высоте 2100 метров - едва ли это не первые данные в России с такой высоты.

Наконец, показался среди гор Окинский караул: ветхая казарма, окруженная развалившимся частоколом, амбар и часовня. Жили здесь четверо служилых казаков и две семьи промышленников, поселившиеся несколько десятков лет назад. А вот и надписи клинообразно-сердцевидной формы на известковом утесе, сделанные красной и малиновой краской. Они свидетельствуют о том, что люди жили в верховьях Оки с незапамятных времен. Так появилась археологическая страница будущего отчета: рисунки со скалы перешли в полевую тетрадь. Рядом с ними - зарисовки каких-то старинных построек из валунов. Описание быта кочевников Саян, их одежды, домашней утвари, обычаев составило этнографический отдел отчета.

Недалеко от селения - водопады. Но, конечно же, не те, о которых читали в газете. Легенда о «Саянской Ниагаре» была развеяна. Высота стены, с которой низвергается вода в Оку, - не более десяти метров. И струя не внушительная: едва наполнит в полминуты

сорокаведерную бочку.

Возвращаясь в Иркутск, Кропоткин прошел по долине Оки до Зиминского, богатого села, обязанного своим благосостоянием чайной торговле с Китаем. Раскинулось оно при впадении реки Зима в Оку (ныне город Зима). Описание Зиминского - последний аккорд экспедиции. Продолжалась она недолго, но результаты ее значительны и разнообразны. Это признали коллеги по Сибирскому отделу Географического общества, перед которыми в конце года Кропоткин выступил с отчетом.

Через три года отчет о походе в Саяны опубликовал в Иркутске Сибирский отдел Русского географического общества. А Кропоткину предстояла еще одна экспедиция в Сибири.

Три тысячи верст по горной тайге

Одним из первых очагов освоения природных богатств Сибири стал в середине XIX столетия район Ленских золотых приисков. Еще в 1849 году начали работать Спасский и Вознесенский прииски. А с 1863 года Ленское товарищество приступило к эксплуатации россыпных месторождений в долине реки Ныгри. В этом же году было обнаружено золото в бассейне Витима, правого притока Лены. Добыча золота непрерывно расширялась. И скоро на приисках в летнее время стало скапливаться до нескольких тысяч рабочих. Однако снабжать всем необходимым этот удаленный район было трудно. Скот, например, приходилось гнать через непроходимую тайгу и болота из Якутии, с Вилюя, где его и так было мало. Гораздо удобнее был бы путь с юга - из южно-забайкальских степей. Обеспокоенные золотопромышленники обратились в Сибирский отдел Русского географического общества с просьбой о помощи в изыскании к приискам пути, которым можно было бы доставлять скот и товары, и пожертвовали на это изрядные суммы.

Топограф А. Ф. Усольцев первым прошел с глазомерной съемкой через обширную и очень сложно устроенную горную страну, преграждавшую путь на север. Он впервые сообщил о монолитном и величественном хребте Кодар. Через узкие его ущелья эвенки вывели Усольцева в Чарскую котловину. Но маршрут Усольцева обогнул прииски с востока, а главное, он оказался очень трудным, непроходимым для больших караванов.

Было предпринято еще несколько попыток проникнуть к приискам, но все были неудачными и, как писал потом Кропоткин, способствовали тому, чтобы удерживать от дальнейших попыток. Тем не менее Кропоткин, уже зарекомендовавший себя как хороший организатор научных походов, охотно принял предложение промышленников, которое давало ему возможность совершить путешествие в не исследованную пока область Сибири.

Экспедиция получила название Олекминско-Витимской, поскольку прошла через горную страну, образующую водораздел притоков реки Лены - Витима и Олекмы.

К отряду был прикомандирован топограф В. И. Машинский для проведения глазомерной съемки. Он освободил, таким образом, Петра Алексеевича от «геогностических исследований», как тогда говорили. По инициативе Кропоткина в экспедицию включили

молодого (ему тогда было всего 19 лет) учителя Иркутского военного училища Ивана Полякова, свои первые шаги в науке сделавшего под руководством Кропоткина. Золотопромышленники с научным составом согласились, присоединив к нему еще скотопрогонщика П. Чистохина с двумя бурятами, чтобы запомнить путь, который будет найден. Кроме того, в отряде - два вожака-тунгуса и 4 конюха - всего 13 человек. Под вьюками (из которых главную тяжесть составляют 67 пудов сухарей) идут 30 лошадей и для них 9 запасных - всего 52 лошади.

Проанализировав имевшиеся крайне скудные материалы, Кропоткин решил идти не с юга, а с севера - напрямую через гольцы к устью реки Муя, а не огибать огромную горную территорию, как это пытались сделать его предшественники. Этот путь Кропоткин выбрал, познакомившись с примитивной «картой», нацарапанной на бересте эвенком Павлом Максимовым, вобравшей, быть может, вековой опыт таежных кочевников. Они ходили этим путем. Значит, пройти можно.

Кропоткин решил, что экспедиция должна непременно иметь научные результаты, поэтому взял с собой барометр и термометры, горный компас, буссоль, шагомер. Поляков запасся ружьем и всем нужным для изготовления чучел птиц и зверей, собирания насекомых и растений. Продовольствием и лошадьми обещали обеспечить золотопромышленники на своей «резиденции».

Кропоткин выехал из Иркутска 9 мая 1866 года, а на следующий день вся экспедиция собралась на берегу Лены, в селе Качуг. Здесь погрузились в плоскодонную большую лодку - паузок, на котором основная группа медленно поплыла вниз по Лене.

Кропоткин с Поляковым, с первого же дня начав исследование берегов, сначала плыли в почтовой лодке, используя частые остановки для осмотра обнажений горных пород и сбора геологических образцов. Кропоткин внимательно присматривался к немногим прибрежным поселениям. Русские крестьяне, несмотря на неблагоприятные условия, освоили хлебопашество на берегах Лены, используя как подспорье скотоводство, охоту и рыболовство. Кропоткин исследует этнографию, экономические связи и хозяйственный уклад бурят и эвенков, населяющих долину Лены. И ухитряется еще работать над переводом с английского «Геологии» Дж. Пэджа, который они взялись сделать вместе с братом.

Геологические исследования берегов Лены были очень важны. Мнения Меглицкого и Миддендорфа относительно возраста песчаников, слагающих берега Лены, сильно расходились - на десятки миллионов лет.

Решив выяснить истину, Кропоткин начал с добросовестных, очень детальных описаний обнажений пород. Известняки Миддендорф считал более молодыми, чем красноцветные песчаники. Но Кропоткин установил, что это не так - известняки подстилают красноцветы, они, несомненно, древнее. Он обратил внимание и на новейшие образования ленской долины, которые могли бы помочь выяснить вопрос о ледниковом периоде в Сибири, а также на следы обитания первобытного человека по ее берегам. «Издавняя заселенность Азии, обилие пещер в ленских известняках - все заставляет думать, что в них могут

встретиться факты для разъяснения темных вопросов о временах младенчества человеческого рода», - напишет он в отчете об экспедиции.

Диапазон интересов, проявившихся у Кропоткина в самом начале Олекминско-Витимской экспедиции, очень широк: от геологии до антропологии. Он регулярно ведет метеорологические наблюдения, а кроме того, собирает сведения по этнографии и экономике.

В последние дни мая вся экспедиция собралась в Крестовской резиденции Ленского товарищества. Сформированный здесь вьючный караван из полусотни низкорослых якутских лошадей за восемь суток прошел по таежной тропе около трехсот верст и пересек бассейн реки Большой Патом. Кропоткин назвал эту довольно мрачную местность Патомским нагорьем.

Горная страна, сложенная известняками, поверх которых разбросаны явно «инородные» валуны, снова обратила мысль Кропоткина к далекому ледниковому периоду. Он находил немало следов древних ледников и в районе приисков, где рабочим приходилось взрывать валуны, мешающие разрабатывать шахты. Их слагают породы, не встречающиеся в долине. Несомненно, что принесены они с дальних гор. Какими силами?

Ни реки, ни морские течения, ни плавучие льдины не могли этого сделать. Только ледники. Древние, уже исчезнувшие, которые покрывали некогда большую часть Восточной Сибири. В одном из писем к брату Петр сообщает: «...Писал, между прочим, опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространились на Азию?»

Чтобы судить о климате прошлого, надо знать современные климатические условия. Пока о климате Сибири практически нет данных. Но вот оказалось, что на Вознесенском прииске его управляющий на протяжении восьми лет ведет наблюдение температуры воздуха и направления ветра.

День и ночь, не разгибаясь, Кропоткин переписывал данные этих наблюдений, а потом сравнил показания термометра со своим, точным, ввел в данные поправки и снабдил нового наблюдателя, которым стал местный врач, подробной инструкцией. Особое внимание он просил обратить на направление ветров, на связь с ним температур воздуха. Он собирался проверить свои предположения, возникшие еще во время экспедиции в Саяны, о переносе в Сибирь теплого и влажного атлантического воздуха на больших высотах. В нем он видел причину характерной для Сибири зимней инверсии температуры воздуха, когда при подъеме в горы становится теплее.

2 июля экспедиция вышла с Тихоно-Задонского прииска и углубилась в тысячеверстную тайгу, имея с собой лишь берестяной рисунок эвенка.

За рекой Вача в светло-лиловом тумане выступили скалистые горы Ленско-Витимского водораздела. Медленно караван взобрался на вершину мрачного горного массива, сложенного глубинными кристаллическими породами и укутанного непроглядной вековой тайгой.

Витим широко разлился после весеннего снеготаяния и дождей, и переправа была нелегкой - два дня ушло на нее. С большим трудом перевели на другой берег лошадей. А там пошли прямо на юг, пересекая монолитный, почти нерасчлененный, суровый и неприступный хребет, названный Кропоткиным Северо-Муйским.

Каждый день - тяжелые переходы: то в гору, то вниз - в долину. Шли медленно. Кропоткин то и дело останавливался, записывал, зарисовывал, ехал дальше и продолжал думать, покачиваясь в седле.

Наледи, часто пересекавшие ручьи Патомского нагорья, оказались самым серьезным препятствием на пути. Лошади скользили по облизанному водой льду. Лучше было спускаться в холодную до судорог воду, чем карабкаться по этим миниатюрным ледникам.

Переход, занявший четыре месяца, был нелегким. Пересекли обширную горную территорию, очень сложно устроенную. Отдельные элементы ее, на первый взгляд совсем не связанные друг с другом, оказались единой горной страной, которую Кропоткин назвал Олекминско-Витимской.

Спустившись с Южно-Муйского хребта, двинулись по болотистой равнине Витимского плоскогорья. К югу растительность становилась менее угнетенной, она как бы расправлялась. Видимо, связано это с постепенным уменьшением заболоченности. В низкорослом березняке появились отдельные могучие экземпляры лиственницы, прочно укоренившейся в тонком слое талой почвы над плитой вечной мерзлоты. Но вот болота сменяются забайкальскими степями, склоны холмов становятся суше, обнажаются от леса, широко расстилаются луга, пересекаемые неглубокими прозрачными речками.

На этот участок маршрута уже была карта, но если ей верить, на пути должна была бы встать могучая стена Станового водораздела. Решив, что хребет пересекает весь материк, казаки-землепроходцы, открывавшие в XVII веке Сибирь, назвали его «Необходимым Камнем». Однако Кропоткин установил: «Станового хребта не существует и этим громким именем называется размытый водами уступ, которым обрывается плоскогорье в долину реки Читы»¹. Лишь очень небольшим повышением (чуть больше тысячи метров над уровнем моря) отмечен водораздел между водами Северного Ледовитого и Тихого океанов. И хотя Кропоткин не видел восточного продолжения Станового водораздела, интуиция его не обманула. Гигантского червеобразного хребта от Монголии до Чукотки, нанесенного на карту первыми землепроходцами, не существует.

1 Зап. РГО. СПб, 1873, т. 3, С. 406.

8 сентября внушительный караван - более полусотни лошадей - вошел в Читу. Путь для прогона скота из бурятских степей на Олекминские прииски был найден. Через тридцать лет появился проект использования этой трассы для строительства железной дороги Бодайбо - Чита, а уже в конце XX века начались изыскания по строительству автомобильной дороги из Бодайбо на станцию Таксимро Байкало-Амурской магистрали.

Если проект осуществится, дорога частично пройдет по пути кропоткинской экспедиции 1866 года.

Но главный, важнейший итог этого путешествия для Кропоткина был в том, что оно помогло ему найти ключ к общему строению гор и плоскогорий Восточной Сибири. «Нашей главной задачей было пройти, - писал Кропоткин. - А удастся собрать богатый научный материал или нет - это был уже вопрос второстепенный... Впрочем, кое-что, не лишенное интереса, удалось-таки собрать; важно уже то, что нам удалось заглянуть в этот неведомый край и пересечь это нагорье во всю его ширину» 1.

1 Там же.

«Кое- что» -это глазомерная съемка на протяжении 3000 верст, позволившая существенно исправить карту обширной территории, около 400 «сроков» метеорологических наблюдений, включавших в себя измерение атмосферного давления, температуры воздуха, направления и силы ветра, облачности, состояния атмосферы; это описание геологических обнажений на берегах Лены и разрезов ледниковых отложений на Патомском нагорье, в районе Ленских приисков и на Витимском плоскогорье; это зоологические сборы И. С. Полякова: 40 видов млекопитающих и 107 видов птиц; это, наконец, оригинальные идеи и обобщения, изложенные в необычайно обширном «Отчете об Олекминско-Витимской экспедиции», который будет издан через семь лет.

Результаты экспедиции произвели большое впечатление на географов, признавших в молодом князе-есауле своего коллегу.

А пока «герой похода», неожиданно показавший удивительные способности полевого работника-естествоиспытателя, думал над тем, чтобы расстаться с Сибирью, может быть, лишь на время. Его не покидала мысль о том, что нужно продолжить учебу в университете: пока он считал себя самоучкой. К тому же его все меньше удовлетворяло положение военного чиновника. Оно, хотя и предоставляло возможность заниматься исследованием природы, но не освобождало от таких обязанностей, которые расходились с заложенными с детства демократическими убеждениями.

Конечно, он не предполагал, что уже очень скоро покинет Сибирь. Но произошло событие, ускорившее принятие решения.

Прощание с Сибирью

Осенью 1866 года совершили побег ссыльные поляки, работавшие на строительстве Кругобайкальской дороги. Туда сразу же направили войска - отряд под командой полковника Лисовского. Мысль о том, что могут послать его, и он, как офицер, вынужден будет подчинится, мучила Кропоткина. Он написал брату с прииска Серафимовского; когда экспедиция приближалась к Чите: «Здесь мы узнали о польском возмущении за Байкалом, отряд Лисовского у меня как бельмо в глазу, тебя не посылали ли? Скверность могла выйти. Этакая мерзость» 1. К письму он сделал приписку: «...прочи циркуляр царя о нигилистах, - мешкать дольше нельзя, авось пригодимся на что-нибудь» 2. Циркуляр предписывал «выкорчевывать» распространившиеся среди молодых людей критические, нигилистические настроения.

1 Переписка... Т. 2. - С. 199-200.

2 Там же.

В России термин «нигилизм», предполагающий отрицание привычного, общепринятого, получил распространение после появления в 1862 году романа И. С. Тургенева «Отцы и дети». Нигилистами стали звать всех, кто высказывал какие-либо критические суждения в отношении существующего порядка вещей, отказывался от суеверий, предрассудков и лицемерия, преклоняясь перед одним авторитетом - разумом. Принципы нигилистов - предельная искренность, неприятие лжи, пропитавшей общественную жизнь.

Противоречие между действительностью и идеалом больно ранило души молодых людей. Достижения науки в то же время демонстрировали безграничную силу человеческого ума. И появилась вера, столь же неистовая, как и вера в Бога, в то, что силой своего ума человек может привести действительность в соответствие с идеалом, освободив униженных и обездоленных от всего, что мешает им быть равными людям благополучным и счастливым. Через 70 лет философ Н. А. Бердяев оценит это как «вывернутую наизнанку православную аскезу...»

Представление в том, что мир нужно исправить - тоже из религии («мир во зле лежит, в грехе»). Отсюда и высокие нравственные требования, предъявлявшиеся нигилистами к себе, неприятие разрыва между мыслью, словом и делом. В этом смысле братья Кропоткины, отказавшись от армейской службы, поступили как нигилисты.

Александр, выйдя в отставку, сразу же уехал, а Петр остался до весны, чтобы закончить свои географические дела и выступить с отчетом об экспедиции на заседании Сибирского отдела Русского географического общества.

Весной 1867 года он попрощался с Сибирью, оставив Иркутску «на память» еще одну свою работу: вместе с инженером Зотиковым Кропоткин изготовил сейсмограф и перед самым отъездом провел его испытание. Вся гарнизонная артиллерия прошествовала мимо здания Сибирского отдела, производя «сотрясение почвы», зафиксированное новым прибором. Этот прибор оказался совершенно необходимым Иркутску, уже однажды сильно обеспокоенному землетрясением на берегу Байкала в канун 1862 года.

В пасхальную ночь, под гром праздничной пушечной пальбы, переехал Кропоткин Ангару по еще прочному льду и выехал на Московский тракт. Сибири было отдано почти пять лет жизни и, как он признает потом, лучших лет. Прежде всего он стал профессиональным исследователем природы.

Сибирь дала Кропоткину понимание жизни и, что особенно важно, как жизни природы, так и жизни общества. Становление этого понимания обнаруживается прежде всего в письмах к брату, самому близкому человеку.

П. А. Кропоткин

Из писем брату Александру

Благовещенск, июнь 1864 г.

“ Только что я приехал сюда, как получил твое письмо, пересланное мне из Иркутска. Надеюсь, что и между моими не будет большого промежутка. 1 июня я был уже в Айгуне, это китайский город на Амуре, в 30 верстах от Благовещенска. Путешествие кончено, и кончено так удачно, как никто из нас и не думал...

Прошли мы очень хорошо, препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали... Ехали мы нескоро - верст по 30-40 в день. Поднимались со светом, ехали шагом. Я все время делал глазомерную съемку, т. е. буссолью определял направление пути, а часами число пройденных верст, и на каждой точке зачеркивал на скорую руку, на глаз нанося окрестную местность... Из всего составитя самая приблизительная карта пути, которая кое в чем поправит карты, ныне имеющиеся. Кроме того, я собирал камни в тех местах, где были обнажения горных пород. Конечно, я бы мог собрать гораздо больше того, что я собрал, если бы не делал съемки и мог бы больше отлучаться от дороги. А то доводилось брать то, что на дороге попадалось. Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности. Кроме того, подтвердилось существование потухших вулканов, вопреки теории их приморского происхождения; предполагалось, что их нет внутри материка. Теперь я наверно утверждаю, что они есть в Ильхури-Алине (хребет, параллельный Амуру). Меня поразила первая сопка; взгляделся - вулкан, отрезной конус с кратером, ныне рассыпающимся, на одной стороне от прорыва набросаны камни; я подъехал - вулканический туф. Везу образцы. К сожалению, о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было...

Николаевск-на-Амуре, июль 1864 г.

“ Хотя это письмо я сам повезу с почтой до Хабаровска, но пишу потому, что хочется писать, хочется сказать тебе приятные новости...

«Вы историограф Сунгарийской экспедиции». Я от души поблагодарил Корсакова за это назначение, мне так хотелось на Сунгари. Я еду. Корсаков не едет - и отлично, торопить не будет. Едут астроном, топограф, переводчик и один полковник. Я выучусь делать определение широты и долготы. Буду собирать, что могу, вероятно - немного, так как пойдем на пароходе...

Какая досада, что я не застал Корсакова в Благовещенске! Я побывал бы в море, сходил бы на остров Сахалин. Жалко, но авось не уйдет. Зато нас

весело покачало при входе в Николаевск, парходишко маленький, так и прыгает, но стоять все же было можно.

Иркутск, февраль 1856 г.

“ Дела идут по-старому, интересно было только одно обстоятельство - на прошлой неделе,- это знакомство с американцем*, который был здесь проездом в Америку из Китая. Славный господин, я познакомился с ним у Аносова. Через пять минут мы шли вместе в Отдел просматривать собранные мною горные породы. К сожалению, оказалось, что едва ли по ним можно составить себе понятие о геологическом строении страны,- вероятно, что все это - жилы, проходящие сквозь самые породы. Не может же быть, чтоб на пространстве 700 верст были все гнейсы, граниты да порфиты. Таким образом, американец не нашел ничего в подтверждение или отрицание своим предположениям об маньчжурском каменноугольном бассейне. Только маленькое сомнение в его существовании. А ему это интересно, так как он проехал южную окраину Гоби на довольно значительном протяжении, а у меня восточная.

На другой день мы были у Аносова. Американец показал мне карту Китая, по которой шел, напечатана эта карта в Пекине, - очень интересные вещи о водных путях показывает карта. Только неизвестно - правда ли. Опять поразила нас несметная масса работы, к которой способны эти люди. Это сети карт и геологических профилей, сделанные в 87 месяцев, которые он прожил в Пекине. Наконец, сколько ему сделали по его указанию! Один китаец перечитал 8000 томов Государственной географии, чтоб извлечь оттуда показания о минералах Китая. Потом свел все это в общую карту. Часа полтора резали мы по полу на корточках, наконец кончили, уложили все. Пустились в разговоры. Дошло и до Юга и Севера¹. С увлечением стали говорить. Семь лет не был дома, теперь приедет и прямо на войну, говорит он, и, конечно, думает, что северяне выиграют...

1 Имеется в виду Гражданская война в США 1861-1865 гг.

Крестовская резиденция, июнь 1866 г.

“ Ну- с, господа, добрались мы до Крестовской, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь уже четыре дня, а я почти не выхожу из дома, раз только ходил до ближайших обнажений, - все сидел и писал. Настроил листах на трех письмо в (Сибирское) отделение (РГО), исправил остатки Пэджа и написал на 6-ти листах письмо для «Биржевых ведомостей»...

Читал я о книге Кинэ² об революции. Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя вправе прибегать к безнравственным мерам.

Что последнее нравственность должна осудить, хотя бы оно делалось во имя самых нравственных начал, по-моему, бесспорно...

2 Имеется в виду книга Эдуарда Кине «Революция», в которой французский историк размышляет над тем, почему революции обычно не приводят к торжеству идеала свободы.

Безнравственные поступки деморализуют само общество... Но с другой стороны, если принять только нравственные меры, как единственно позволительные во время революции, возможна ли будет какая-либо вообще революция когда-либо? Ведь там сила. Как же ты силу поборешь иначе, как не безнравственной мерой, т. е. силой же, а тут и пошли военные хитрости, штурм ночью и т. д.

Ясно, что приходится брать средний путь, назвать не совсем безнравственной меру - в сущности безнравственную, но где же тогда критерий? Один критерий остается - полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, - везде этот критерий для определения нравственного поступка. Да и какой другой может быть? Воспитание, инстинктивное отвращение, но ведь как мы себя переделываем? Во всем мы стараемся избавиться от инстинктивных побуждений и либо заменяем их побуждением, имеющим разумное основание, либо отрешаемся от них. Для меня лично это самый сильный довод...

Письма из Олекминско-Витимской экспедиции

Б. А. Милютину 1

1 Борис Алексеевич Милютин - редактор газеты «Сибирский вестник», издававшийся в Иркутске в 1864-1868 гг.

“ Милостивый государь, Борис Алексеевич.

Бывши в нынешнем году по поручению Сибирского отдела в экспедиции, снаряженной для отыскания скотопрогонного пути между Олекминским и Нерчинским округами, и зная, что многие интересуются ходом нашей экспедиции, я написал в Распорядительный Комитет 6 писем, в которых излагал ход наших занятий и набрасывал очерки той страны, по которой мы проезжали.

Эти письма не были напечатаны в свое время, но полагая, что читателям Вашей газеты небезынтересны будут те сведения, которые И. С. Поляков и я сообщили об этой малоизвестной стране, и не надеясь раньше, как через

несколько месяцев, обработать привезенные нами материалы и составить подробный отчет, я решаюсь послать Вам этим письма.

При этом я изложу сначала вкратце цель экспедиции.

В настоящее время золотые прииски Олекминской системы снабжаются скотом из Якутской области, преимущественно из Вилюйского округа. Так как этот скот проходит около 1000 верст по отвратительной таежной дороге, то обыкновенно он приходит на прииск в очень жалком виде, и мясо обходится довольно дорого.

Доставку экспедиции до Тихонозадонского прииска приняло на себя Ленское товарищество, которое довезло нас до Крестовской резиденции на па"возке, а оттуда до прииска на своих лошадях...

Попытки золотопромышленников найти удобный скотопрогонный путь в Забайкалье были неудачны, например, Ленское товарищество снаряжало даже экспедицию, которая думала идти через Нечатку и Лемберт, но вожак бросил ее, не дойдя даже до Нечатки.

Поэтому г-да золотопромышленники, именно Ленское товарищество, Витимское товарищество К. Трапезникова, обратились в Сибирский отдел с предложением взять на себя исследование этого пути и пожертвовали для этой цели 1500 руб. Впоследствии эта сумма оказалась недостаточной...

Сибирский отдел поручил эту экспедицию мне, прикомандировавши для ботанических и зоологических изысканий И. С. Полякова, а для съемки Генеральный штаб назначил Топографа г-на Машинского...

Путешествие по р. Лене

Если большие реки, служащие главными сплавными путями, везде имеют громадное значение для края, в котором они протекают, и для местностей, которые они между собой связывают, то почти нигде это значение не было и не есть до настоящего времени так велико, как в Восточной Сибири. Редкость населения, трудность сообщений везде, где бы вы ни отклонились хотя бы на несколько десятков верст от больших трактов, особенно в гористой стране; хребты, заросшие непроходимыми в полном смысле слова лесами; болотистые, мшистые пади, везде, даже в южной полосе Восточной Сибири, где только повыше поднимаются горы, - все это, вместе взятое, клонит к тому, чтобы, помимо промышленного значения, увеличить значение рек для Восточной Сибири. Летом они служат сплавными путями, зимой - единственным возможным трактом для сообщений между крайне отдаленными местностями. Таков в особенности Лена, как река, текущая с юга на север, из страны населенной и хлебородной - в дичь, в тайгу, и через тайгу - в тундру, в Якутский край, не производящий для себя хлеба, в Олекминский округ где промыслы, производящие сотни пудов золота, снабженные тысячами рабочих и лошадей, поглощают

громадное количество хлеба и всевозможных продуктов, доставленных из Иркутска или Иркутской губернии. И не одни рабочие и их управляющие прокармливаются продуктами, доставляемыми по Лене, - даже лошади и те кормятся овсом и сеном, доставляемыми по той же реке...

Оставляя в стороне вершины Лены, образующейся из многих ручьев, вытекающих из распадков Байкальского хребта, - вершин, посещаемых большей частью только зверовщиками, - я скажу о ней несколько слов с того места, где она примыкает к «тракту», где выезжают к ней из Иркутска, - с Качугской пристани, служащей местом отправления значительной части всех продуктов, сплавляемых по Лене.

Довольно быстро проплывши по Лене до устья большого ее притока Витима, я, конечно, принужден буду ограничиться немногими замечаниями, сделанными почти налету...

Добираясь до С. Качуга, находящегося на 240 верст к северу от Иркутска, проезжая по превосходной луговой плоской возвышенности, называемой Кубинской степью и населенной бурятами хлебопашцами, торопясь ко времени ярмарки, бывающей в Качуге около 9 мая, во время отправления барок и павозков, - человеку, впервые приехавшему в Сибирь и не присмотревшемуся к ее промышленности, можно было бы ожидать встретить в Качуге что-нибудь вроде оживленной торговой пристани, широкую реку, машины для загрузки, - вообще жизнь, и жизнь одушевленную, особенно если вспомнить о громадности края, снабжаемого всеми на Иркутской губернии.

Ничуть не бывало: вы едва замечаете ничтожную реку - Лену, через которую медленно ползет самолет¹; у одного берега плавают какие-то четырехугольные ящики, назначение которых не сразу угадает новичок; у другого - несколько десятков павозков в виде утюгов, на которых развиваются флаги и происходит мелочная торговля; на берегу - несколько тюков с товарами и тарантасы купцов, несколько десятков лавчонок, из которых в каждой можно найти все: кремни, сапоги, сахар, свинец, красные товары и пр. и пр.

1 Так называли в XIX в. паромы на реках.

Число барок, отправляющихся собственно из Качуга, незначительно, я насчитал тут не более 30 барок и от 40 до 50 купеческих павозков. Но кроме этих павозков, отплывает от вершин Лены значительное число других барок, строящихся и нагружающихся в деревнях ниже Качуга, в Верхоленске, а также по рекам, впадающим в Лену, - Илг и Кут, куда хлеб преимущественно доставляется из долины Ангары, более богатой хлебом, чем долина Лены...

Барки строятся чрезвычайно неуклюже из обтесанных топором досок; самая форма их четырехугольная делает управление ими чрезвычайно неудобным, да к тому же и средства передвижения невелики: сила 7-10 человек, владеющих двумя длинными веслами, кормовым и носовым...

Павозок - это род барки в виде утюга... Он поднимает от 1200 пудов груза. Выйдя на те места, где Лена уже достаточно глубока, павозки и барки счаливаются по две. Так и плывут уже в нижнем течении.

Кроме этих посуд для перевозки тяжестей, существуют два парохода, из которых один ходит по Витиму, а другой - по Лене...

Как только прибудет весенняя вода, все эти посуды, четырехугольные, пятиугольные, и утюгообразные, пускаются вниз по Лене; зевать не приходится, а то, упустивши весеннюю воду, пришлось бы ждать коренной, происходящей от таяния снегов и от летних дождей. В 1866 году весенней воды не было, и все эти посуды стояли на местах...

Берега Лены считаются страную гористою. Хотя оно не совсем правильно в физико-географическом отношении, так как в верхнем течении долина Лены просто углублена в высокое плоскогорье, в котором Лена промыла себе узкую щель, а побочные речки размыли себе глухие узкие пади, - но в разговорном языке оно справедливо. До Киренска вы плывете по узкой долине, над которой с обеих сторон высятся, часто вертикальные, утесы и большей частью крутые склоны гор, заросшие густыми хвойными лесами; вдоль берегов, с перерывами тянется узкая полоска наносов, тоже заросшая лесом - сосною, елью и лиственницей; местами попадаются острова, заросшие преимущественно тальником, также негодные для хлебопашества...

Хотя и принято считать Сибирь неисчерпаемым источником относительно леса и зверя, но, как все истощается при чрезмерном пользовании, так точно и зверь... Количество зверя заметно убывает, выживающие особи уходят все глубже и глубже в хребты и леса: подальше от населенных местностей...

Доставив на лодке приезжего, гребцы спешат сейчас же вернуться домой, зная, что раньше как в день не успеют сделать перехода, если только прибыла вода и «выиграли» речки. А нужно видеть, как они «играют»! Речку, которую вчера переходили посуху, сегодня со страшным трудом можно переехать вброд пешком; вода сбивает коня, которого приходится переводить на веревке; на дне вода ворочает громадные камни, готовые ударить по ногам коня, который, идя до половины брюха в воде, едва держится на ногах...

Для того, чтобы дать полное понятие о производительности ленской долины, нужно бы, во-первых, дать больше цифр, но официальные ненадежны, а для собирания неофициальных нужно больше времени, чем то, которым я располагаю; во-вторых, надо бы сказать о слюдяном промысле на Витиме, об извозничестве, но как я пишу не статистическое обозрение долины Лены, то довольствуюсь этими беглыми заметками, полагаю, что они могут дать некоторое понятие о великой реке, а также показать, сколько мы имеем в Сибири под боком у себя неисследованного, о чем желательно бы иметь более точные сведения.

29 мая прибыли мы в С. Витимское на устье Витима - небольшое село со множеством кабаков для обирания рабочих, возвращающихся с промыслов и служащее пребыванием нескольких лиц, торгующих всю жизнь с якутами и тунгусами; тунгусы уже бороздят Лену в берестяных лодках, в лицах русских виден якутский или тунгусский тип, но, остановившись ненадолго, мы поплыли дальше до «резиденции» золотопромышленников ленского товарищества Крестовской, откуда я и пишу настоящее письмо...

Тихонозадонский прииск на р. Ныгри, 26 июня 1866 г.

С 12 июня мы находимся в долине Ныгри, притока Вачи, на Тихонозадонском прииске Ленского товарищества. На днях пришли кони, предназначенные под экспедицию, находившиеся на Крестовской резиденции, и через несколько дней мы отправляемся в путь. Но прежде всего я вам скажу несколько слов о наших занятиях на пути до приисков и на приисках.

От Крестовской резиденции до Тихонозадонского прииска мы проехали 8 дней, сделавши в это время 250 верст, так как ехать тише было бы неудобно по многим причинам: пришлось бы отнимать и задерживать лишних людей и лошадей Ленского товарищества, взявшего на свой счет перевозку экспедиции до приисков; съемка же, сделанная по поручению Ленского товарищества чертежником Жаровым, была сделана, как говорили нам, довольно тщательно и с промером, то я решился не делать съемки на этом протяжении, а проехать его наскоро. При этом имел в виду, что наша съемка от прииска пересечет Витим в его низовьях и свяжется либо с каким-нибудь из астрономических пунктов г-на Шварца на Витиме, либо с его съемкою.

...Удаляясь от Лены, вы скоро вступаете в глухое лесистое предгорье, известняки постепенно становятся более и более кристаллическими, а потом скоро исчезают, сменяясь метаморфическими сланцами, преимущественно глинистыми гнейсами и гранитами. С этим вместе постепенно меняется и весь характер страны, покатоности становятся круче, пади глубже, реки быстрее несутся и ворочают большие камни, там и сям выступают отроги хребтов, забирающиеся за пределы вертикального распространения древесной растительности. Наивысшие точки мы встретили в вершинах, они образуют как бы часть цепи, идущей с ю.-з. на С.-в., высокий гребень которой еще белеет снегами, впрочем, вообще эти горы не поднимаются высоко; переезжая гольцы, если не самые высокие, но зато превосходимые немногими частями другого гребня, я нашел их всех приблизительно равными, около 1450 метров... Только один гранитный голец... как бы центр местного поднятия, возвышался еще метров на 300 над этими гольцами, но он составлял исключение, другие же вершины были почти все одинаковой вышины и невысоко поднимались над общим уровнем горной страны.

Но в этих гольцах вы не видите ни зубчатых вершин, ни каменистых гребней и т. п... как будто по циркулю вычерчены их контуры...

Шестидесятый градус широты на азиатском материке, при высоте от 600 до 900 метров и более, дает себя заметить в громадных наледях, накопляющихся по некоторым речкам. Простираясь во всю ширину пади, они тянутся иногда на несколько верст при средней толщине от 1,8 до 2 м... и доходят местами до 2,5 м... Вспомнив при этом, что на Ныгри, например, от наледи в 4,8 м едва осталось теперь 1,4 м, мы должны будем принять, что наледи к концу зимы достигают громадной толщины - до 9 м и это на протяжении 6-8 квадратных верст, даже и более, если не принимать в расчет небольших перерывов, успевших образоваться к началу июня.

По всему этому пространству мы не встретили никакого населения, кроме зимовщиков на зимовьях Ленского товарищества, зимой посещаемых чрезвычайно смелыми медведями. Тунгусы либо удалились, оттесняемые приисками, их жизнью и заведениями, либо принуждены были окончательно изменить свой образ жизни и род занятий и поселились ближе к приискам. Прежде при открытии приисков эта тайга изобиловала зверем не говоря уже о диких сев(ерных) оленях, но и соболя, и белки водилось множество; шум, рубка леса, прокладывание дороги, вырубка больших пространств, разъезды - все это было причиной удаления зверя. Вместе с этим прииски дали новые заработки тунгусам. Теперь они возят сено, на доставку которого заключают подряды, перевозят зимой на оленях тяжести, нанимаются жожаками. Если бы все это распространилось равномернее между тунгусами, то, быть может, вполне бы заменило звериный промысел, но, к сожалению, оно не так. Чтобы обеспечить себе доставку определенного количества сена, золотопромышленники заключают подряды с одним тунгусом, а тот, в свою очередь, раздает работу другим, причем, как везде, ему достается львиная часть дохода, прочие же остаются батраками, т. е. одни богатеют, обзаводятся домом, всеми принадлежностями русского быта, другие остаются в том же жалком положении, худшем еще потому, что теперь находятся в зависимости от отдельных личностей.

Впрочем оставляя этот предмет, о котором подробнее буду говорить впоследствии, когда лучше познакомлюсь с тунгусами, буду продолжать далее.

Дорогой нам часто подолгу приходилось ехать тайгой, обнажений не видно, отлучаться же в сторону версты за две при густоте леса почти невозможно, а потому трудно составить себе понятие, какие породы залегают на этих пространствах. Часто для определения залегающей в данной местности породы приходилось пользоваться россыпями, которые если и дают понятие о том, из чего состоит данный кряж, зато не дают никакого понятия о взаимном расположении частей. Впрочем, я полагаю, что удастся составить петрографическую карту проеханной нами местности не очень подробную и не лишенную пробелов.

Время, проведенное на Тихонозадонском прииске, я посвятил изучению аллювия и разысканию возможных следов ледникового периода, вопрос, на который снова навело меня несколько явлений, тем более, что отсутствие следов ледникового периода в северо-восточной Азии всегда казалось мне довольно странной аномалией. Но хотя я и собирал все относившиеся до этого вопроса данные, тем не менее все-таки не мог прийти ни до какого положительного, определенного результата. Впрочем, я полагаю, что вам вообще не безынтересно будет выслушать беглый обзор фактов.

Во время наших переездов мы поднимались на довольно высокие гольцы, спускались в глубокие, разделяющие их пади, и я нигде не видел явных следов ледников. Правда, поверхности этих гольцов совершенно округлены, сглажены, а выходов на поверхность гранитов или гнейсов, на которых могли бы сохраниться следы ледников, и не видно даже, но где же делись бы морены, если бы они были отложены ледниками? Сколько я ни вглядывался, я нигде не находил их, а трудно предположить, чтобы все морены непременно были смыты реками. Если есть на гольцах какое-либо указание на следы ледников, то это выбоины в виде котлов глубиною до 3 дециметров и около 0,5 м в диаметре, попадающиеся

в довольно твердых гнейсах, но опять, с другой стороны, размеры их слишком ничтожны.

В других местах заставляли задуматься размеры, формы и положение некоторых валунов...

На Сергиевском прииске (по р. Хомолхо) я был удивлен, найдя тут обилие больших камней, имеющих одну или две поверхности как бы отполированные, исцарапанные и изборозжденные (это были преимущественно черные мелкокристаллические известняки и глинистые сланцы со слегка округленными углами)...

Вообще замечу, что борозды, попадающиеся на валунах, бывают большей частью все параллельны... нигде нет двух взаимно перпендикулярных борозд. Не есть ли это следы сдвигов, - думал я. - Едва ли, так как борозды бывают на плоскостях, пересекающихся под различными углами, и даже в таком случае следуют одному общему направлению.

Указывая на эти факты, которые... могут быть истолкованы и помимо действия ледников, я все-таки полагаю, что на них следовало бы обратить побольше внимания.

Съездивши на Вознесенский прииск, я попросил живущего там доктора К. А. Эйсмонта взять на себя вести в течение лета метеорологический журнал; он охотно взял на себя это труд, так что во время нашего пути (до конца августа) будет наблюдаться высота барометра, к которой можно будет отнести мои наблюдения во время пути. Тут же я нашел очень ценный материал - журнал, веденный с сентября 1858 г. по настоящее время г-ном управляющим этими приисками М. С. Игнатьевым...

Это, конечно, весьма полезный материал, особенно при недостатке сведений о стране от Киренска до Якутска...

Т(аким) о(образом), мы отправляемся на Мую, но если бы из Сибирского отдела было заблаговременно написано г-ну Киренскому, земскому исправнику, с просьбой приискать вожаков, то, конечно, мы имели бы уже вожака с Бомбуйко, старшине легче приискать знающего вожака, чем частному человеку; между тем витимские тунгусы, я твердо убежден в этом из разговоров с витимскими жителями и тунгусами, бывали на Эмурчене или знают тунгусов, живших на Ципе, которые бывали там. Мы же имеем вожака, взятого не из коренных витимских, а, скорее, из здешних, которые хорошо знают олекминскую систему, но не витимскую.

21 июня получена здесь почта из Иркутска от 7 июня и из Петербурга от 5 мая; между тем все-таки не получены мною инструменты.

Серафимовский прииск, 22 августа 1866 г.

Пишу вам с Серафимовского прииска, куда мы добрались вчера после 50-дневного странствования по тайге. Оказывается, т(аким) о(образом), что ваше предсказание сбылось; на устье Муи мы нашли тунгусов, возвращавшихся после сенокоса в наши края, к Баунту; из расспросов я убедился, что вместо того, чтобы делать крюк к востоку, к устью Бомбуйко, гораздо удобнее будет сделать другой небольшой крюк к западу (в верстах 80) и выйти на дорогу, по которой постоянно ходит скот из Читы...

Вы извините меня, если я не буду теперь подробнее писать про проеханный нами путь; вкратце не расскажешь, и пришлось бы исписать несколько листов...

Из 600 (приблизительно) верст, пройденных нами, можно насчитать только три действительно худых места: 1) - это подъем на голец в вершинах Чепко (в 20 верстах от Тихонозадонского прииска), подъем, который, как оказалось впоследствии, можно миновать, идя по Джегдалату и делая лишь верст 20 крюка; 2) - спуск с хребта, идущего вдоль Муи с северной стороны по р. Уксемукиту, где страшно каменисто и на 40 верст почти нет корма. Но как теперь оказывается, есть другой перевал через этот хребет, несравненно удобнее... Наконец, 3-е худое место - это Ципа, где мы встретили невылазные грязи и непроходимые болота там, где обыкновенно бывают превосходные луга. Но это происходит от необычайных дождей, которые в продолжение 2 недель шли, не переставая, в окрестностях Баунта, следовательно, от обстоятельства чисто случайного.

...Вообще теперь это дело находится уже в наших руках, подробно известен путь, и вожак есть на примете, так что в конце концов, я надеюсь, что скот из Забайкалья будет ходить на Олекминские прииски...

Из Записок революционера 1

1 Записки, С. 110-137.

“ ...Пять лет, проведенные мной в Сибири, были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера. Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и с самым худшими, с теми, которые стоят наверху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и копошится на последних ее ступенях: с бродягами и, так называемыми, неисправимыми преступниками. Я видел крестьян в их ежедневной жизни и убеждался, что мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Наконец, мои продолжительные путешествия, во время которых я сделал более семидесяти тысяч верст на перекладных, на пароходах, в лодках, главным образом, верхом - удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня также тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими футами хлеба и маленьким запасом чая в переметных суммах, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свеженарезанного молодого листвяка, человека чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом или же покрытых глубоким снегом...

Сибирь - не мерзлая страна, вечно покрытая снегом и заселенная лишь ссыльными, как представляют ее себе иностранцы и как еще очень недавно

представляли ее себе у нас. Растительность Южной Сибири по богатству напоминает флору Южной Канады...

Постепенно я все более стал отдаваться научным исследованиям. В 1865 году я исследовал Западные Саяны. Здесь у меня прибавилось еще несколько новых данных для построения схемы орографии Сибири, и я также нашел другую важную вулканическую область на границе Китая, к югу от Окинского караула. Наконец, в 1866 году я предпринял далекое путешествие, чтобы открыть прямой путь из Забайкалья на Витимские и Олекминские золотые прииски. В продолжение нескольких лет (1860-1864) члены Сибирской экспедиции пытались найти этот путь и пробовали пробраться через параллельные ряды диких каменных хребтов, отделяющих золотые промыслы от Забайкальской области. Но когда исследователи подходили с юга к этим страшным горам, заполняющим страну к северу на несколько сот верст в ширину, все они (кроме одного, убитого инородцами) возвращались назад.

Ясно было, что попытку надо сделать с севера на юг - из страшной, неизвестной пустыни в более теплый и населенный край, и я так и решил сделать, т. е. плыть вниз по Лене до приисков и оттуда снарядить экспедицию на юг.

...Мы достигли устья реки Муи, откуда, переваливши еще через один высокий хребет (очень похожий на Саянский), путь лежал уже по плоскогорью.

На этот раз мы нашли путь с Олекминских приисков в Забайкалье. Три месяца мы странствовали по почти совершенно безлюдной горной стране и по болотистому плоскогорью, пока, наконец, добрались до цели наших странствований, до Читы. Найденным нами путем теперь гоняют скот с юга на прииски. Что касается до меня, то это путешествие значительно помогло мне впоследствии найти ключ к общему строению сибирских гор и плоскогорий...

Годы, которые я провел в Сибири, научили меня многому, чему я вряд ли мог бы научиться в другом месте. Я быстро понял, что для народа решительно невозможно сделать ничего полезного при помощи административной машины. С этой иллюзией я распростился навсегда.

Затем я стал понимать не только людей и человеческий характер, но также скрытые пружины общественной жизни. Я ясно сознал созидательную работу неведомых масс, о которой редко упоминается в книгах, и понял значение этой строительной работы в росте общества...

Путем прямого наблюдения я понял роль, которую неизвестные массы играют в крупных исторических событиях - переселениях, войнах, выработке

форм общественной жизни. И я пришел к таким же мыслям о вождях и толпе, которые высказывает Л. Н. Толстой в своем великом произведении «Война и мир».

Воспитанный в помещичьей семье, я как все молодые люди моего времени, вступил в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное. Но как только мне пришлось выполнять ответственные предприятия и входить для этого в сношения с людьми, причем каждая ошибка имела бы очень серьезные последствия, я понял разницу между действием на принципах дисциплины или же на началах взаимного понимания...

В возрасте от девятнадцати до двадцати пяти лет я вырабатывал всякие планы реформы, имел дело с сотнями людей на Амуре, готовил и выполнял рискованные экспедиции с ничтожными средствами. И если эти предприятия более или менее удавались, то объясняю я это только тем, что скоро понял, что в серьезных делах командованием и дисциплиной немногого достигнешь. Люди личного почина нужны везде: но раз толчок дан, дело, в особенности у нас в России, должно выполняться не на военный лад, а скорее мирским порядком, путем общего согласия. Хорошо было бы, если бы все господа, строящие планы государственной дисциплины, прежде чем расписывать свои утопии, прошли бы школу действительной жизни. Тогда меньше было бы проектов постройки будущего общества по военному - пирамидальному образцу.